

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№4 (18) 2009

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Ан. А. - кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Ал. А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Л. А. - доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов О. В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Е. Н. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г.Челябинск, пр.Победы, 162-в, к.107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Формат 60x84 1/16.

Бумага ВХИ 80 гр.

Объем 9,1 усл.п.л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ратников К. В.** Отношение к заграничному образовательному путешествию в русской литературе и педагогике рубежа XVIII – XIX веков: Мнения Д. И. Фонвизина, Н. П. Николева и А. А. Прокоповича-Антонского7
- Соколова М. В.** Этимологический анализ имен собственных в контексте фентэзийного произведения13

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Давлеткулова Л. Н.** Типы гидронимов Челябинской области ...21
- Иконникова В. А.** Роль правовой культуры в формировании юридической терминологии (на примере истории термина justice of the peace)29
- Кочетова Л. А.** Семантические стратегии репрезентации категории товара в рекламном дискурсе (диахронический подход)36
- Лаврова Н. А.** Контаминированные слова в речи ребенка как генерализация лексико-грамматических и логических законов языка46
- Морозова А. М.** Специфика юмористического дискурса: жанр анекдота52

ЯЗЫК СМИ

- Зубанова Л. Б.** Культура толерантности в социологическом измерении: проблемы языковой репрезентации в современных СМИ61
- Симакова С. И.** Цифровые обозначения возраста в газетном тексте (один из аспектов интерпретации цифровых обозначений)68

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

- Афанасьева В. В.** Двунправленный анализ семантического потенциала настоящего перфектного в эмотивном СФЕ74
- Выдрин О. В.** Трудности перевода в современной научной коммуникации80

Сидоров А. А. Единообразие и дифференциация территориальных вариантов французского языка на примере номинации зданий и сооружений в зависимости от ареала распространения	87
Федуленкова Т. Н., Воскресенская А. В. Структурно- семантические особенности английских фразеологизмов с компонентом «some»	92
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	
Дигина О. Л. Влияние лингвокультурологического подхода на формирование межкультурной коммуникации в обучении иностранному языку	99
Ларина Е. А. Этика и этикетное поведение в преподавании иностраных языков	106
Малетина О. А. Реализация страноведческого аспекта на уроках и во внеурочной деятельности	110
АННОТАЦИИ	118
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	123

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Ratnikov K. V.** The Attitude to foreign educational voyage in russian literature and pedagogics in XVIII – XIX centuries: opinions of D. I. Fonvizin, N. P. Nickolev and A. A. Prockopovich-Antiosky7
- Sokolova M. V.** Etimological analyses of proper names in the context of a fantasy book13

LANGUAGE STUDIES

- Davletkulova L. N.** Types of hydronames in the Chelyabinsk region21
- Ikonnikova V. A.** Role of orthodox culture in formation of juridicial terminology (on the example of the term “justice of the peace”)29
- Kochetova L. A.** Semantic strategies of representations of goods category in advertisement discourse) diachronical approach) ...36
- Lavrova N. A.** Contaminated words in the child’s speech as generalization of lexical and grammar and logical l anguage rules46
- Morozova A. M.** Specifics of humor discourse: genre of anecdote ...52
- Fedulenkova T.N., Voskresenskaya A.V.** Structural and semantirc peculiarities of English phraseological units with the component “come”61

LANGUAGE OF MASS MEDIA

- Zubanova L. B.** Culture of tolerance in sociological dimension: problems of speech representation in contemporary mass media68
- Simakova S. I.** Figure marks of age in the newspaper text (one of the aspects of interpretation of digital marks)74

LINGUISTICS AND TRANSLATION

- Afanasyeva V. V.** A Two-way analysis of the present perfect tense in emotive supra-phrasal unit80

Vydrin O. V. Difficulties of translation in contemporary scientific communication	87
Sidorov A. A. Uniformity and differentiation of territorial invariants of the French language on the example of notions of buildings and constructions depending on the area of spreading	92
METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING	
Digna O. L. Influence of linguistic cultural approach to the formation of cross-cultural communication in the foreign language teaching	99
Larina E. A. Ethics and etiquette behavior in the teaching of foreign languages	106
Maletina O. A. Realization of county studies aspect at the lessons and at extra-curricular activity	110
<i>ABSTRACTS</i>	118
<i>INFORMATION ABOUT AUTHORS</i>	123

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТНОШЕНИЕ К ЗАГРАНИЧНОМУ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ПУТЕШЕСТВИЮ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПЕДАГОГИКЕ РУБЕЖА XVIII – XIX ВЕКОВ: Мнения Д. И. Фонвизина, Н. П. Николева и А. А. Прокоповича-Антонского

К. В. Ратников

Статья посвящена анализу причин возникновения негативных оценок, дававшихся методике заграничного образовательного путешествия видными деятелями русской литературы и педагогики рубежа XVIII – XIX веков.

Ключевые слова: литература, педагогика, образовательное путешествие, учителя-иностранцы.

Русская литература и педагогика в XVIII веке нередко действовали совместно, объединенными силами решая общие задачи. Одной из таких актуальных задач являлось утверждение патриотических основ отечественной системы воспитания, противостоящей возобладавшей в дворянских кругах моде на приглашение педагогов-иностранцев, а также практике отправления достигших совершеннолетия благородных отпрысков в так называемые образовательные путешествия за границу. Зачастую ближайшими последствиями таких путешествий, принимавших отнюдь не образовательный, а просто-напросто развлекательный характер, становилось вовсе не просвещение, а скорее возвращение молодых сынков, вырвавшихся на свободу из-под строгой родительской опеки. Наглядный пример такого ложного понимания дворянскими недорослями заграничного образовательного путешествия дал в своей знаменитой комедии «Бригадир» (1769) Д. И. Фонвизин. Весьма выразителен диалог между Иваном и его отцом в 1-ом явлении 3-го действия комедии. В ответ на высокомерную реплику сына: «Мне до вашего бригадирства дела нет.

Я его забываю; а вы забудьте то, что сын ваш знает свет, что он был в Париже» [1. Т. 1. С. 73], старик-отец, олицетворяющий традиционно-патриархальный взгляд на принципы семейного воспитания, абсолютно резонно замечает: «О, ежели б это забыть можно было! Да нет, друг мой! Ты сам об этом напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, из которых за самое малое надлежит, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутенном» [1. Т. 1. С. 73]. Свое резко негативное отношение к весьма сомнительной в нравственном плане зарубежной образовательной среде Фонвизин не преминул еще раз подчеркнуть в 6-ом явлении 4-го действия комедии, прибегнув к показательному диалогу между двумя вполне согласными друг с другом патриотически настроенными персонажами:

«Добролюбов. Правда и то, что всему причиной воспитание.

Бригадир. Так, государь мой, это правда. Дура мать его, а моя жена, причиною тому, что он сделался повесою, и тем хуже, что сделался он повесою французскою. Худы русские, а французы еще гаже» [1. Т. 1. С. 90].

Кстати сказать, принципиальную критику в «Бригадире» дворянской мании чужеземного образования Фонвизин осуществлял не только посредством гневных деклараций, провозглашаемых устами положительных персонажей, но и путем сатирического саморазоблачения отрицательных героев, прежде всего Ивана, доходящего в своем гротескном преклонении перед иностранными образцами до абсурда. Очень характерен в этом отношении пассаж из 6-го явления 2-го действия комедии, когда Иван на полном серьезе делится с Советницей планами по перевоспитанию своего отца под влиянием французских культурно-образовательных моделей: «Просвещаться никогда не поздно; а я за то порукою, что он, съездя в Париж, по крайней мере хотя сколько-нибудь на человека походить будет» [1. Т. 1. С. 69].

Вслед за Фонвизиним, но еще более язвительно и остро, к обличению «модного просвещения» обратился поэт и драматург Н. П. Николев, специально посвятившей этой теме отдельное произведение – «Сатиру на развращенные нравы нынешнего века», написанную в 1774 году, а в 1797 году переработанную и дополнен-

ную, что свидетельствует об актуальности общественной проблемы истинного и ложного воспитания дворянских детей. Один из фрагментов сатиры, рисующий неприглядную картину пагубных последствий бесконтрольного приобщения молодых россиян к заграничным соблазнам, служит прямым продолжением и развитием антифранцузских инвектив фонвизинского «Бригадира»: «Я вот чему дивлюсь, что, зная столь *Париж*, / И малый и большой стремятся все туды ж / И мнят, что от того они умнее будут, / Когда, поживши в нем, по-русски позабудут; / Но, праздно растряся там русский кошелек, / Привозят и назад ум тот же недалек, / С которым и туда отправились несчастны, / Всё те же шалуны, лишь к Франции пристрастны» [2. С. 23]. Любопытно отметить, что в первоначальной редакции сатиры эти мотивы имели еще более острое звучание, намного превосходящее иронию Фонвизина. Николев сурово упрекал опрометчивых отцов, которые «глупость чтоб свою совсем уж совершить, / В пятнадцать лет пошлют в Париже доучить / Несчастливого сынка, в беспутстве возвращенна. / Каков же прилетит? повеса совершенна, / Который ничему и там не научен, / А только простячок в масоны посвящен. / Иль, лучше я скажу, он только одурачен, / А бедный кошелек дотла его истрачен. / Но глупенький, прибыв в Москву, российский град, / Гордяся, выдает лишь щеголям наряд, / Которые его как бога обожают» [2. С. 493].

Решительное осуждение порочной практики бессистемных и бесполезных для нужд истинного образования заграничных вояжей Николев тесно увязывал с проблемой неадекватного выбора самим родителями педагогов-иностранцев, не способных, да и не стремящихся привить своим воспитанникам правила честной жизни и понимание истинных ценностей просвещения. По свидетельству Николева, многим главам семейств было свойственно чересчур легкомысленное отношение к воспитанию своих детей, неискоренимая склонность переложить эти трудные обязанности на плечи наемных учителей. В результате получалась типичная ситуация, ярко очерченная сатирическим пером поэта: «Зародыша к добру не дав младым сердцам, / Вверяя нрав детей распутным беглецам, / Чтоб, моде следуя в угоду предрассудка, / Проти-

ву совести и здравого рассудка, / Чтоб просветить дитя, в чужие края шлет, / И скоро видим мы заморских птах полет: / Дитя уж мужем стал, порядок знает светской, / Но разум у него не вырос, тот же детской; / Плод путешествия и отческих забот / В едином вывозе несчетных странных мод; / Отправлен баловнем, а возвращен уродом. / Вот чем родителю похвастать пред народом!» [2. С. 25].

Своеобразным подведением итогов общественного обсуждения нецелесообразности использования модели заграничного образовательного путешествия стало одно из ключевых положений обширного трактата профессионального педагога – инспектора Благородного пансиона при Московском университете А. А. Прокоповича-Антонского «О воспитании», впервые изданного в 1798 году и позднее неоднократно переиздававшегося. Хорошо зная систему аргументов своих предшественников и во многом с ними солидаризуясь, Антонский постарался привести развернутое обоснование негативного взгляда на принятый в высшем обществе «обычай посылать молодых людей в чужие края», который в глазах патриотически ориентированного педагога-практика «едва ли не всегда был больше вреден, нежели полезен» [3. С. 70]. Антонский подвергает этот устоявшийся обычай подробному рассмотрению, опираясь в значительной степени на отчетливые критические мнения, высказанные к тому времени в отечественной литературе.

Помещаемый ниже фрагмент из трактата Антонского представляет собой примечательный образец плодотворного использования в педагогике программных суждений отечественных литераторов по столь важному и злободневному общественному вопросу, благодаря чему логические доводы педагога получили впечатляющее литературное оформление: «Не спорю – путешествие доставляет великие выгоды и удовольствия, но всем ли? – Малолетние, странствуя и с самыми умными наставниками, теряют только время, будучи еще в таких летах, когда они не способны обращать внимания на то, что примечательного может встретиться им в путешествии. Что увидят, что узнают они за пределами своего отечества? Нравы ли и установления ино-

племенных народов, степень ли гражданского их совершенства и образ правления, состояние ли наук, художеств, торговли или источники, из которых течет благоденствие их и злосчастье, богатство и скудость, могущество и бессилие? Нет! Видеть и познавать сие есть дело не детей, но проникательного летами и мудростью созревшего наблюдателя. И где сыскать такого Ментора, который бы, провождая юное чадо по странам отдаленным, управлял его взорами, мыслями и сердцем? – который бы свергнул его со скалы соблазна в первую минуту опасности? – который бы начертал план его наблюдений, учения и опытов? – Такие люди чрезвычайно редки. – Сколько требуется от них познаний ума, прозорливости, осторожности! Они должны быть честны, благонравны, патриоты – и, если можно, русские. – Нельзя без ужаса представить себе, что и в сем случае многие часто поверяют детей своих безвестному иноземцу, который, нажив вредоносным наемничеством богатства и сокровища, возвращается на свою родину к тому же разврату, от которого прежде только отвлекла его нищета и бедность!» [3. С. 70 – 71].

Ключевое слово «разврат», использованное Антонским для строгой моральной оценки результатов пагубного влияния недостойных наставников на нравственность вверенных их попечениям воспитанников, прямо перекликается с аналогичным мнением Николева, гневно вопрошавшего в своей сатире: «Несчастлива молодость за дорогие платы / Что может приобрести?.. Учительски развраты, / Поклоны с выжимкой, а правил никаких, / Безбожие и ложь – вот просвещение их!» [2. С. 25]. Как видим, русская литература и педагогика были единомышленны в своем категорическом неприятии иностранных авантюристов, норовивших подвизаться на ниве образования. Более того: под этими словами вполне мог бы подписаться и сам Фонвизин, настолько они созвучны основному пафосу его «Недоросля» с колоритным образом псевдоучителя Вральмана.

Впрочем, был в педагогической концепции Антонского один немаловажный элемент, в котором он существенно расходился с общественно-политическими взглядами Фонвизина. Речь идет о верноподданнически-монархической сервиллистской тенденции,

буквально пронизывающей весь трактат Антонского. Как известно, Фонвизин вызвал своим опубликованным в «Собеседнике любителей русского слова» в 1783 году острым и «неудобным» вопросом («Отчего многие приезжие из чужих краев, почитавшиеся тамо умными людьми, у нас почитаются дураками; и наоборот: отчего здешние умницы в чужих краях часто дураки?») высочайшее неудовольствие Екатерины II, лично ответившей дерзкому вопрошателю: «Оттого, что вкусы разные и что всякий народ имеет свой смысл» [1. Т. 2. С. 274]. Благонамеренному Антонскому был совершенно чужд фонвизинский сарказм, а гораздо ближе оказалась логика ответа императрицы. По сути дела, он декларативно развернул екатерининский тезис об отличительном национальном своеобразии русского народа, выгодно отличающегося от всех иностранцев: «Чему учиться нам у иноплеменных? – Любви к отечеству, преданности к государям, приверженности к законам? – Веки свидетельствуют, что сие всегда было отличительною чертою великодушных россов. – Средствам, руководящим к просвещению ума, к образованию сердца, к воспитанию? – Возведем окрест очи наши и узрим повсюду к тому бесчисленные способы» [1. С. 73]. Иными словами, Антонский всеми силами постарался доказать явное преимущество отечественного просвещения перед европейским, и поэтому абсолютно закономерно, что в таком контексте сама модель заграничного образовательного путешествия казалась ему излишней, ненужной и даже противоречащей коренным основам русской системы образования и воспитания.

Список литературы

1. Фонвизин, Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 632 с; Т. 2. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 742 с.
2. Поэты XVIII века: В 2 т. Т. 2. Л.: Сов. писатель, 1972. 592 с.
3. Прокопович-Антонский, А. А. О воспитании. М.: Тип. императорского Московского университета, 1818. 74 с.

List of literature

1. Fonvizin, D. I. Sbranie sochinenij: V 2 t. T. 1. M.; L.: GIHL, 1959. 632 s; T. 2. M.; L.: GIHL, 1959. 742 p.
2. Pojety XVIII veka: V 2 t. T. 2. L.: Sov. pisatel', 1972. 592 s. (Biblioteka pojeta, Bol'shaja serija).
3. Prokopovich-Antonskij, A. A. O vospitanii. M.: Tip. imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1818. 74 p. (3-e izd.).

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В КОНТЕКСТЕ ФЭНТЭЗИЙНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

М. В. Соколова

В статье рассматривается этимологический анализ имен собственных в художественном тексте, дается классификация ономастикона произведений Джоан Роулинг.

Ключевые слова: имя собственное, ономастикон, этимологический анализ, фэнтези.

Имя собственное наделяется автором художественного произведения богатством и разнообразием ассоциативных связей, которые раскрываются в контексте произведения. Антропонимы в художественном тексте обладают особой характеристикой – аллюзийностью. Аллюзийность имени собственного в художественном тексте предполагает осведомленность, эрудированность читателя, высокий уровень читательской культуры. В случае успешной реализации аллюзии резко усиливают эстетическое воздействие художественного текста на читателя. Это воздействие основано на интенсивных ассоциативных связях, соединяющих данный текст с внеязыковой реальностью. Аллюзивные антропонимы включают в себя имена исторических лиц, мифологических персоналий, литературных героев.

Ономастикон в серии романов о Гарри Поттере можно разделить на две большие группы. К первой группе принадлежат имена персонажей, реально действующих в произведении, т. е. имена собственные персонажей, принимающих непосредственное или опосредованное (в воспоминаниях того или иного героя) участие в событиях романа. К данным именам можно отнести и имена убитых родителей Гарри – Джеймса Поттера и Лили Эванс. Ко второй группе можно отнести имена исторических личностей: философов, алхимиков, писателей и поэтов, богов и героев мифов и легенд.

Исходя из проведенного анализа, имена собственные могут быть классифицированы по следующим принципам: происхождению, модели образования, коннотации.

По происхождению выделяются имена с основами из современных языков, таких как английский, французский, немецкий и имена образованные от основ, взятых из древних языков, таких как древнегреческий, латинский. Примером могут служить имена собственные представителей одной семьи волшебников.

Neville Longbottom. Neville от англ. “**new town, land, or farmland**”. Фамилия Longbottom бразована от двух англ. слов путем словосложения двух основ: long - долгий; медлительный + bottom - дно; низина (у Толкина есть местечко Лонгботтом, откуда родом хоббит **Tobold Hornblower - изобретатель табака, позже известного как Longbottom Leaf**). **Фамилия подчеркивает характер персонажа** – в первых книгах Невилл предстает перед читателями довольно рассеяным, забывчивым и неловким.

Rodolphus Lestrage. Rodolphus - от древненем. **hrothi «молва» + wulf «волк»**. Имя было распространено среди правителей Бургундии и Священной Римской Империи. Имя подчеркивает суровость характера данного персонажа. Дословно его можно перевести как «в народе о нем известно как о волке». Волк в фольклоре традиционно считается отрицательным персонажем. Так, например, в скандинавской мифологии есть такой персонаж как Фенрир (**Fenrir - чудовищный волк, который согласно пророчеству вырвется на свободу и «поспособствует» Концу Света**). Фамилия является перифразом. Сэр Роджер Лестрейндж (**Roger L'Estrange**) (1616-1704) – английский журналист и памфлетист времен гражданской войны в Англии, поддерживавший роялистов. После неудачной попытки роялистского штурма в Норфолке заключен в тюрьму. Через четыре года совершил побег, укрылся в Голландии, позже был помилован и вернулся в Англию. Ср. заключение Лестрейнджа в Азкабан и его побег оттуда.

Draco Malfoy. Draco – от лат. **draco “дракон, змей”**. Имя подчеркивает жестокость и агрессивность характера данного персонажа. Об этом же говорит и аллюзивность имени – Дракон (Draco) – афинский тиран законодатель. Как и другие имена волшебников данной семьи, имя образовано от названия одного из созвездий. Дракон – созвездие Северного полушария неба.

Callidora Longbottom. Callidora от греч. буквально “дар красоты”.

По модели образования можно выделить имена, образованные от названий созвездий; имена, образованные от имен героев античных легенд, и легенд других народов. Рассмотрим имена собственные, образованные от названий созвездий.

Arcturus Black. Arcturus (Арктур) – название одной из четырех самых ярких звезд небосклона, которая находится в созвездии Волопаса. Ошибочно переводится с греческого как “страж медведя”.

Andromeda (Black) Tonks. Андромеда – созвездие северного полушария неба. Как и в древнегреческом мифе, в романе Андромеда является дочерью Кассиопеи Блэк. Фамилия Тонкс несет в себе пренебрежительную характеристику. По законам волшебного мира, чистокровные волшебники не могли связать свою жизнь узами брака с обычным человеком, не имеющим никаких способностей к магии. Андромеда была далека от таких предубеждений и вышла замуж за Теда Тонкса, обычного человека. Фамилия Тонкс подчеркивает контраст между «благородным семейством Блэков» и простыми людьми. Фамилия Tonks образована от англ. honky-tonk - дешевые пабы, ночные клубы, в которых играли особую разновидность джаза – буги-вуги, иногда музыку в стиле “кантри” или т.л. с дребезжащим звучанием инструментов.

Orion Black – Орион - одно из прекраснейших и самых блестящих созвездий небесного свода, состоящее из двух звезд первой величины, пяти - второй и множества других меньших звезд, имеющих вид большого параллелограмма. Имя также является аллюзией. Орион – еще один персонаж древнегреческих мифов – знаменитый охотник, отличавшийся необычайной красотой и таким ростом, что его иногда называли великаном (гигантом).

Bellatrix (Black) Lestrage. Bellatrix от лат *«bellatrix»* – дословно “женщина воин”, “воительница” – название яркой звезды в созвездии Ориона, которую иногда называют звездой Амазонок. Латинское имя звезды Bellatrix — перевод ее арабского наименования Al Nâjed – “завоеватель”, “победитель” или Al Murzim al Nâjed, то есть “Рычащий воин”. Арабы считали, что Беллатрикс, одна из первой в созвездии восходящая на небе, знаменует “львиным рыком” свое появление на небе, приветствует восхождение

Ригеля и появление на небе Гиганта (название Ориона в арабской астрономии).

Sirius Black. Sirius, от греч. seirios - «палящий, жгучий» или sirios - «блестящий, сверкающий», звезда первой величины в созвездии Большого Пса. Древние римляне называли эту звезду Каникула («Собачка»). Black – распространенная английская фамилия, означает «черный». Имя и фамилия Сириуса Блэка, очевидно, связаны с его способностью превращаться в большого черного пса. В легендах различных областей Англии, особенно в Восточной Англии, встречается немало преданий о черных демонических собаках. Этим собак обычно называют Black Shuck, а иногда Old Shuck, от англо-саксонского слова *scissa*, означающего «демон». Как и любая собака, Сириус - символ верности, что подтверждается греческим мифом об Орионе: после смерти Орион был превращен в одноименное созвездие вместе со своей собакой, превращенной в звезду Сириус или созвездие Большой Пёс.

Среди имен, образованных от имен героев античных легенд, и легенд других народов можно выделить такие, как **Cygnus, Pollux, Charis, Harfang, Bartemius, Lucius, Narcissa, Charis**. Рассмотрим их подробнее.

Cygnus Black. Cygnus от лат. «лебедь». В греческой мифологии *Cygnus* – король Ликургов (Лигурийцев), который был обращен в лебедя. Имя также образовано от названия одного из созвездий северного полушария неба – Лебеда. Второе название созвездия Северный Крест.

Pollux Black. В Древнегреческой мифологии один из мифических близнецов – Полидевк (Поллак). Кастор и Полидевк, близнецы, дети Леды, участники похода аргонавтов и Калидонской охоты.

Harfang Longbottom. Harfang от франц. '*Harfang des neiges*' – полярная сова. В Хрониках Нарнии – Харфанг один из Северных Великанов.

Bartemius «Barty» Crouch, Sr. Bartimaeus - слепой нищий, которому со словами «Иди, вера твоя спасла тебя», Иисус вернул зрение. **Crouch** - припадать к земле; согнуться, сжаться, скло-

ниться; принять подобострастную позу; низкопоклонствовать, пресмыкаться, раболепствовать. Фамилия подчеркивает характер персонажа.

Narcissa (Black) Malfoy (Нарцисса). В греч. мифологии Нарцисс - прекрасный юноша, влюбившийся в самого себя. Утонул, заглядевшись на свое отражение в воде. В романе Нарцисса Малфой очень высокомерная женщина, которая гордится своим происхождением и чистотой крови. Хоть у неё никогда не было Черной метки и она не была полноценным членом Пожирателей Смерти, её взгляды совпадали со взглядами Темного Лорда.

Lucius Malfoy. Lucius (Люциус) - созвучно со словом «Люцифер», именем дьявола. Люций - ср. Люцифер, «приносящий свет». Lucius - распространенное имя в среде римской аристократии (его носили многие римские императоры и философ Сенека), а также среди средневековой аристократии (Lord Lucius Vane - персонаж известнейшего романа Барбары Картленд «Cupid Rides Pillion (Secret Heart)», в русском переводе «Леди и разбойник»). Lucifer – светлый. В то же время это имя низвергнутого ангела, в различных мифах порой ассоциирующегося с Прометеем или с Апполоном. Он хотел стать равным богу. В демонологии - демон гордости, надменности, в некоторых гримуарах его называют Lucius. Фамилия Malfoy образована от фр. mal foi дословно “вероломство”, от лат. malificus “злодей”, буквально - «(ему) плохая вера».

Charis. Charis от греч. “**грация, доброта**”, в греческой мифологии богиня супруга Гефеста. В древнегреческой мифологии хариты – три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности. Хариты, как богини изящества, прелести и красоты, были дарительницами вдохновения и приближенными к искусству. Имя подчеркивает положительную характеристику персонажа. В романе Charis отправляется в Азкабан (тюрьму) вместо сына, чтобы принять на себя его страдания и там же умирает.

Были также выделены **авторские имена**, соответствующие типовым языковым моделям.

Belvina Black. Имя представляет собой перифраз от англ. Baal (Баал) – древнее западносемитское божество, почитавшееся в

Финикии, Палестине и Сирии как бог плодородия, вод, войны, неба и прочего. Верховный бог в Финикии. Первоначально имя Баал было нарицательным обозначением божества того или иного племени, потом местности (Баал Тира, Баал Сидона и др.), в это время его святилища приурочивались к источникам, лесам и горам. Позже Баала считали богом солнечного света (ср. гэльск. *beltane* – “яркий огонь”. *Beltane* – старый кельтский праздник, который отмечается разжиганием костров). В «Гоетии» Баал, он же Баел или Баил – первый из семидесяти двух демонов, король, правящий на востоке, и управляющей более чем 66 легионами адских духов. Он появляется в различных видах: иногда как кот, иногда как жаба, иногда как человек, а иногда во всех этих образах сразу и имеет хриплый голос.

Walburga (Black) Black. *Walburga* – перефраз *Walpurgis-night* – ночи, когда все ведьмы собираются на Лысой Горе и устраивают пляски. Вальпургия Блэк, мать Сириуса и Регулуса Блэка была очень жестокой женщиной.

Nymphadora. *Nymphadora* – от греч. *nymph* – прекрасная девушка, которая могла менять свой облик. Ср. другое имя, взятое из реального именника *Callidora*. Героиня романов Нимфадора обладает способностями метаморфа, то есть может с легкостью магическим образом изменять свою внешность. ср. *Метаморфозы* лат. *Metamorphoses* (досл. “превращение, преобразование чего либо” – поэма древнеримского поэта Овидия, в которой повествуется о различных превращениях, произошедших со времени сотворения мира, согласно греческой и римской мифологиям

На примере проведенного анализа можно сделать вывод, что основой образования ономастикона романов Джоан Роулинг послужили легенды и мифы народов Древней Греции и Рима, Скандинавии, Ирландии. Особую часть ономастикона составляют имена, образованные от названий созвездий. Автор, работая в жанре фэнтези, следует традициям употребления антропонимов, и в то же время создает свои ономастиконы. Имена собственные в таких ономастиконах приобретают особые характеристики: яркость, запоминаемость, узнаваемость имени, его аллюзийность. Особенную характеристику имени собственного составляет его

положительная или отрицательная окраска, что придает тексту эмоциональность, увлекает читателя, заставляет сопереживать одним персонажам и с недоверием относиться к другим.

Список литературы

1. Голосовкер, Я. Э. Сказания о Титанах. М. : Нива России, 1993. 270 с.
2. Кун, Н. А. Мифы и легенды Древней Греции. М. : АСТ, 2006. 479 с.
3. Нейхардт, А. А. Легенды и сказания древнего Рима. М. : Правда, 1987. 57 с.
4. Призраки ночи. Зачарованный мир / под ред. И. Шурыгиной. М. : ТЕРРА, 1996. 144 с.
5. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Кубок Огня. М. : РОСМЭН-ПРЕСС, 2002. 667 с.
6. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса. М. : РОСМЭН-ПРЕСС, 2004. 826 с.
7. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Узник Азкабана. М. : РОСМЭН-ПРЕСС, 2002. 509 с.
8. Рыбакин, А.И. Словарь английских личных имён. М. : Астрель: АСТ, 2000. 224 с.
9. Рыбакин, А.И. Словарь английских фамилий. М. : Астрель: АСТ, 2000. 576 с.
10. Томахин, Г.Д. Великобритания: Лингвостарноведческий словарь. М.: Астрель: АСТ, 2001. 336 с.
11. Юшкова, Е. А. Имя собственное в контексте фантастического произведения [Электронный ресурс]. – URL : www.imena.org/name_fant.html

List of literature

1. Golosovker, Ja. Je. Skazaniya o Titanah. M. : Niva Rossii, 1993. 270 s.
2. Kun, N. A. Mify i legendy Drevnej Grecii. M. : AST, 2006. 479 s.
3. Nejhardt, A. A. Legendy i skazaniya drevnego Rima. M. : Pravda, 1987. 57 s.
4. Prizraki nochi. Zacharovannyj / pod red. I. Shuryginoj. M. : TERRA, 1996. 144 s.
5. Rouling, Dzh. K. Garri Potter i Kubok Ognja. M. : ROSMJeN-PRESS, 2002. 667 s.
6. Rouling, Dzh. K. Garri Potter i Orden Feniksa. M. : ROSMJeN-PRESS, 2004. 826 s.
7. Rouling, Dzh. K. Garri Potter i Uznik Azkabana. M. : ROSMJeN-PRESS, 2002. 509 s.
8. Rybakin A.I. Slovar' anglijskih lichnyh imjon. M. : Astrel': AST, 2000. 224 s.
9. Rybakin A.I. Slovar' anglijskih familij. M. : Astrel': AST, 2000. 576 s.
10. Tomahin G.D. Velikobritanija: Lingvostarnovedcheskij slovar'. M. : Astrel': AST, 2001. 336 s.
11. Jushkova, E. A. Imja sobstvennoe v kontekste fantasticheskogo proizvedenija [Электронный ресурс]. – URL : www.imena.org/name_fant.html

12. Longman Dictionary of Contemporary English. 3 rd ed. Longman dictionaries, 1995.	12. Longman Dictionary of Contemporary English. 3 rd ed. Longman dictionaries, 1995.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English /A.S. Hornby/. 6 th ed. Oxford University Press, 2000.	13. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English /A.S. Hornby/. 6 th ed. Oxford University Press, 2000.
14. Cobuild English Dictionary. The University of Birmingham, 1995.	14. Cobuild English Dictionary. The University of Birmingham, 1995.
15. http : // www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_124	15. http : // www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_124
16. http : // www.nelidovo.edu.ru/filialtgu/Babushkina/etimolog/w-1.htm	16. http : // www.nelidovo.edu.ru/filialtgu/Babushkina/etimolog/w-1.htm

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТИПЫ ГИДРОНИМОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. Н. Давлеткулова

Статья посвящена типам гидронимов на территории Челябинской области. Как русскоязычные, так и тюркские названия классифицированы в восемь групп, которые объединены тематическими признаками и временем их образования. Каждая группа принадлежит к одной предметно-понятийной сфере. В статье подробно представлено распределение гидронимов по группам, которое основывается на дифференциации количественно-качественных характеристик самих объектов.

Ключевые слова: гидроним, наименования, Челябинская область.

Южноуралье издавна заселяли, сменяя друг друга, разные народы, здесь происходило взаимодействие многих культур и языков. Сложный и длительный процесс заселения края сказался на формировании топонимии Челябинской области. Гидронимы закрепили в себе исторический процесс заселения и освоения края. Со времени покорения Казанского ханства началось передвижение населения на Южный Урал и в Зауралье. В Башкирию приходят татары, чуваша, мордва, удмурты, марийцы, тептяри, мешеряки и другие, что, несомненно, отразилось в названиях.

В основном в гидронимике Челябинской области преобладают названия тюркского происхождения, поскольку на Южном Урале первоначально проживали тюркские племена. Самый верхний слой гидронимов – славянский, наиболее поздний по времени образования. Русские, украинские поселенцы стали появляться на территории области в конце XVII, основное же заселение шло в XVIII и первой четверти XX веков.

Они обосновались на территории с уже сложившейся топонимией и в основном ее сохраняли, давая свои названия лишь селениям и малым речкам, городам и озерам.

Проблема классификации гидронимов на современном этапе исследований продолжает оставаться одной из наиболее актуальных. В системе гидронимов Челябинской области можно выделить несколько групп названий, объединенных близкими тематическими признаками и временем их образования. Как русскоязычные, так и тюркские гидронимы включают:

1. Названия, связанные по своему происхождению с именами собственными:

- речка Гусары, правый приток Уя. Название происходит от фамилии первопоселенца Гусарова [2. С. 134].

- река Биргильда, правый приток Миасса (от древнего башкирского мужского имени Бергильды из слов: бер – «один», «первый» и кильде – «пришел», т. е. такое имя давали ребенку, родившемуся первым) [2, с. 105].

- озеро Еткуль. В источниках XVIII в. – Иткуль, Эткуль, Ыткуль. Название происходит от распространенного в прошлом у башкир древнего мужского имени Эткул, где эт – «собака», кул – «раб», «невольник», в значении «помощник» [2. С. 157].

- река Жилкуар, левый приток Тобола, Брединский район (от распространенного в прошлом у казахов, татар, башкир древнего тюркского мужского имени Жилкуар, где жил – «ветер», куар – «погонит», т. е. «ветрогон», «ветренный», «шалопай») [2. С. 159].

Большее половины названий водных ресурсов возникли на основе личных имен, прозвищ, фамилий, как правило, тюркских. С первых веков нашей эры берут начало тюркские топонимы. Они составляют значительный слой названий, среди которых более всего башкирских, указывая на то, что башкиры проживают в крае в течение многих веков. Названия казахского происхождения не многочисленны, они зафиксированы лишь в крайней южной части области: озеро Жаман-Чубар, Чесменский район; озеро Жеты-Коль, Варненский район; река Кизил-Чилик, левый приток Гумбейки, бассейн Урала.

2. Названия, отражающие богатый животный и растительный мир области, ее минеральные богатства включают:

- река Барсучья (указывает на места обитания барсуков) [2. С. 96].

- речка Бурая, приток Увельки, бассейн Уя. Название дано по

цвету воды, обусловленному содержанием в ней глины, окислов железа [2 С. 114].

- река Вишневогорск, Каслинский район. Расположена у подножия Вишневых гор (на их склонах обильные заросли дикой вишни) [2. С. 122].

- озеро Кабанье, Каслинский район. Указывает на места бывшего обитания кабанов [2. С. 181].

- Лес, Лесная, Лесное, Лесной. В области насчитывается до двадцати наименований озер, гор, речек, селений в разных районах области [3. С. 22].

- озеро Агас-Балык, Аргаяшский район (от башкирских слов: агас – «дерево», «лес», балык – «рыб», т.е. «лесное, рыбное озеро») [2. С. 51].

- озеро Каин-Куль (озеро, окруженное березами) [2. С. 184].

В представленной группе гидронимов помимо констатации рода объекта привносится еще какая-то его характеристика, отражение признаков местности. Речь идет о признаках, определяющих мотивировку номинации географических объектов.

3. Описательные названия, в основе которых лежит постоянная или изменяющаяся характеристика качеств определяемого объекта (величина, форма, очертание, глубина, течение, вкус и цвет воды и др.):

- озеро Глубокое. Название указывает на большую глубину водоемов относительно других [2. С. 128].

- озеро Горькое, озеро Горько-соленое – более тридцати названий озер в равнинных районах области. Большая концентрация минеральных солей придает их водам горько-соленый вкус [2. С. 131].

- речки Гремиха, Гремучий, Гремячка, Громотуха – названия многих речек с бурным течением в горных районах области [2. С. 132].

- речка Бурсунка, приток Течи, бассейн Исети (от татарского бурсу – «преть», «гнить», т. е. «речка с гнилозным запахом») [2. С. 115].

- озеро Узун-Куль, Сосновский район. В переводе с башкирского – «продолговатое озеро» (озон – «продолговатый», «длинный», кул – «озеро»). Название отражает вытянутую форму озера [3. С. 180].

Данная группа названий обусловлена особенностями географического объекта, то есть гидроним выражает признак объекта

не просто в сравнении, ограниченном узкими рамками территории, но обусловлен исторически, благодаря предшествующему опыту людей, которые дали название. Реки, озера могут быть тихими, бурными, стремительными и др. каждый объект обладает количественно-качественным признаком. Народ выбирает из всех признаков наиболее ярких, видимый.

4. Названия, в основе которых лежит одно исходное название, перенесенное впоследствии на ряд близлежащих объектов: например, от Лебединое образовались названия Лебедки, Лебяжий, Лебяжка, Лебяжье, Лебедено, Лебедевка – до десятка названий озер и болот в равнинной части области, а по ним и населенных пунктов [3. С. 21].

Пески, Песочки, Песчаная, Песчанка, Песчанские, Песочное, Песочный, Песчаный, Песочное – до двадцати названий речек, озер, гор, хребтов, болот, а по ним и населенных пунктов в разных районах области, указывающих на песчаный состав грунта этих мест [3. С. 79].

Озеро Половинное; поселок Половинный, территория города Копейска. Название отражает факт обмеления озера, во время которого оно уменьшилось наполовину [3. С. 85].

Наиболее поздний слой гидронимов – названия новых водных объектов. Эти единицы весьма показательны: воспроизводя некоторые традиционные способы образования наименований, они дают представление о новейших тенденциях в развитии системы гидронимики Челябинской области. Как это делалось на протяжении всей истории развития названий, широко используется метафорический принцип переноса.

Одновременно, в этом «молодом» гидронимическом слое обнаруживается метафорический ряд тенденций, соответствующих общему развитию наименований региона. Широко используется принцип построения названий по модели прибавления определений.

5. Названия – переносы, повторяющие названия рек и озер путем добавления определений: большой, малый и т.д., а также различных географических терминов или топонимобразующих префиксов и суффиксов типа -кай, -лы и др.:

- озера Межозерный, Приозерный и др [3. С. 33].

- озера Большой и Малый Перешейки, Октябрьский район. Две группы озер, в которых озера расположены друг от друга очень близко. Их разделяют узкие полоски суши – перешейки [3. С. 78].

- озера Большой Ак-куль и Малый Ак-куль, Кунашакский район, Троицкий район («чистое, прозрачное озеро», где ак – «белый», «чистый», «прозрачный», кул – «озеро» [2. С. 56].

- Кыл, Кыллы, Кылы, Кылы-Елга, Калык, Кильчик – несколько названий небольших речек и ручьев в западной и северо-западной частях области (от тюркских слов: кыл – «узкая, маленькая речка», «протока», елга – «река») [1. С. 80].

- Ташлы, Ташты, Ташлы-Елга, Ташла-Илга, Таштыкуль, Таш-Бутак, Таш-Елга, Таш-Куль, Таш-Тюбе – более десяти тюркских названий рек, озер в разных районах области. Название характеризует каменистость местности. Таш, ташты – «камень», «каменный», «каменистый» (-ты, -лы, (-ла), – словообразовательные аффиксы). Ташты-Елга – «каменистая речка»; Таш-Бутак – «каменистая протока; Таш-Куль – «каменистое озеро» [3. С. 156].

В отдельных гидронимах признак отражает пространственную ориентацию объектов. Здесь также прослеживается метафора, мотивированность названия (большой - малый, чистый – грязный, нижнее – среднее - верхнее). Другие же названия образуются путем аффиксации. Создание номинативной единицы происходит либо посредством использования имеющихся в языке средств, либо путем оригинального решения наречения.

6. Названия, указывающие на передвижение и пребывание различных родовых групп, племен, народностей на территории Челябинской области:

- озеро Башкирское [2. С. 98].

- речка Воровская, левый приток Урала; гора, Верхнеуральский район. Появление названия связано с грабительскими набегами «немирных» киргиз-кайсаков на русские поселения и башкирские стойбища в XVIII в. В народе их называли «степными ворами». Так и названа речка, в районе которой кочевники появлялись особенно часто [2. С. 123].

- Мордосский ручей [3. С. 42].

- Татарка, Татарское, Татарская – более десяти названий рек,

озер, гор, населенных пунктов в разных районах области, однако это не означает, что здесь жили только татары. Русские поселенцы так называли всех тюрков: башкир, казахов, татар [3. С. 154].

- озеро Айдыкуль (Айбыкуль), Кунашакский район. Именование башкирской родоплеменной группы «айле» или «айде» [2. С. 55].

7. Названия, отражающие образы тотемов, покровителей рода племен, населявших Южный Урал:

- река Ай, левый приток Уфы, бассейн реки Белой. «Луна», «лунная»; у древних башкир луна считалась божеством, дарившим радость и красоту людям [2 С. 53].

- река Атя (Сухая Атя), левый приток Ук, бассейн Сима. От башкирского личного мужского имени Ата, Атай. В основе – термин кровного родства ата – отец, в значении большой, главный, покровитель, почитаемый, что связано в старину с культом родителей [2. С. 85].

- Чебакуль (Чебак-Куль), Чебак, Чебачье, Чебачьи, Чебаковка – до десяти наименований озер, речек, гор в разных районах области, а по ним и селений. Образованы словами: чабак (в татарской звуковой форме), сабак (в башкирской) – название плотвы, сорожки, кул – «озеро». Горы и речки получили названия от тюркского мужского имени Чабык, связанного с культом рыб у древних народов [3. С. 203].

Некоторые названия связаны с древними языческими представлениями, существовавшими у тюрков до приобщения их к мусульманству. Значительное место в них занимает культ животных, птиц, рыб и растений, небесных светил. Отображение их образов в виде тотемов, которые почитались как предки и покровители рода, находит в географических названиях (Ак - Кош – «лебедь», Беркут, Кояш – «солнце»).

Помимо всего, в топонимии области встречается большое число до сих пор необъяснимых названий. Некоторые топонимы относятся к очень древнему языковому пласту. Другие же топонимы не сохранили первоначальную форму, так как русские поселенцы Челябинской области изменяли труднопроизносимые тюркские слова в более доступные для произношения и легкие для запоминания. В результате многие названия утратили свое первоначальное значение и их также можно выделить в группу.

8. Названия, возникшие в результате разного рода топографических ошибок:

- озеро Еловое, Чебаркульский район. Название вроде бы указывает, что озеро в еловых лесах, однако в округе Елового нет ни одной ели. Возможно, в основе переосмысленный башкирский топоним: Йьлыу – куль – «озеро с полыньей» или «теплое озеро» [2. С. 154].

- озеро Карасу (черная вода) - в Караси, Красулю [2. С. 198].

- озеро Кочегул (тюркское мужское имя) – в Чугунное [3. С. 225].

- река Катав, левый приток Юрюзани. Топоним образован от названия древнего башкирского племени катая, которое в древности занимало земли в этих местах. На старых географических картах истоки и сама река до Катав-Ивановского завода называется Катай [2. С. 208].

- озеро Кременкуль Большой и Малый, Сосновский район. В архивных документах деревня впервые упоминается в 1736 г. На карте Исетской провинции 1736 г. название озера записано как Тременкуль, от распространенного в прошлом у башкир личного мужского имени [2. С.244].

Тюркские топонимы часто искажались за счет русских словообразовательных средств. Незнакомые иноязычные названия сложны для произношения и запоминания, поэтому некоторые из них наделялись русскими суффиксами и окончаниями, изменялась основа тюркских слов, звуковой состав топонимов: необычные, чуждые звуки не воспринимались. В ряде случаев одни стерлись, потерялись, другие были заменены более или менее сходными звуками русского языка, добавлены новые для привычного произношения. Возникли фонетические варианты: Табан-Куль (Кабан-Куль, Табак-Куль), Аткуль (Ак-Куль) и другие [5]. Тюркские словообразовательные частицы -лы (-ле), -ты (-те), -ды (-де) получили другую передачу, например, юкалы (юкала), муклы (муклу), ташты (таш-ту). В итоге всевозможных преобразований некоторые тюркские названия изменили свое первоначальное звучание и лишились своего смыслового значения и значительно удалились от своих исходных прообразов.

Географические названия явились результатом многовековых усилий населения Челябинской области в условиях контактирования различных языков.

Распределение гидронимов по группам основывается на дифференциации количественно-качественных характеристик самих объектов. Каждая группа принадлежит к одной предметно-понятийной сфере.

Гидронимы на территории Челябинской области отражают ландшафт, растительный и животный мир, материальную и духовную культуру человека.

Список литературы

1. Шувалов, Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. – 2-е изд., переработанное и дополненное. Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1989. 160с.
2. Шувалов, Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. Ч. 1– 3-е изд., переработанное и дополненное. Челябинск : Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1999. 256с.
3. Шувалов, Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. Ч. 2–3-е изд., переработанное и дополненное. Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1999. 256с.
4. Легенды Южного Урала (сост. И.А. Кириллова). 2-е изд. Челябинск : Л38 Аркаим, 2009. 280с.
5. <http://toposural.ru/>
6. <http://www.wikipedia.org/http://ru.wikipedia.org/wiki/Гидроним>

List of literature

1. Shuvalov N. I. **Ot Parizha do Berlina po karte Cheljabinskoj oblasti: Toponimicheskij slovar'**. — 2-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe — Cheljabinsk: **Juzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo**, 1989. — 160s.
2. Shuvalov N. I. **Ot Parizha do Berlina po karte Cheljabinskoj oblasti: Toponimicheskij slovar'**. Ch. 1— 3-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe — Cheljabinsk: Centr istoriko-kul'turnogo nasledija g. Cheljabinska, 1999. — 256s.: il.
3. Shuvalov N. I. **Ot Parizha do Berlina po karte Cheljabinskoj oblasti: Toponimicheskij slovar'**. Ch. 2-3-e izd., **pererabotannoe i dopolnennoe** — Cheljabinsk: Centr istoriko-kul'turnogo nasledija g. Cheljabinska, 1999. — 256s.: il.
4. Legendy Juzhnogo Urala (sost. I.A. Kirillova). — **2-e izd. — Cheljabinsk: L38 Arkaim**, 2009. — 280s.
5. <http://toposural.ru/>
6. <http://www.wikipedia.org/http://ru.wikipedia.org/wiki/Гидроним>

**РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ
ИСТОРИИ ТЕРМИНА JUSTICE OF THE PEACE)**

В. А. Иконникова

В статье анализируется влияние правовой культуры южных штатов США на формирование юридических терминосистем американского Юга на примере истории термина “justice of the peace”. Этимологический анализ языкового субстрата термина и исторический анализ его терминологического суперстрата (история развития правового понятия) проводятся на фоне сопоставления правовых культур Англии, США и России. Анализ термина выявляет способы реализации кумулятивной функции термина, являющегося «вербализованным знанием».

Ключевые слова: правовая культура, эвристическая и кумулятивная функции термина, базовые правовые ценности.

Право государства / территории / местности отражает базовые культурные ценности определенного народа или сообщества. Право закрепляет и показывает, что в данной культуре / субкультуре считается справедливым, допустимым или запрещенным.

Так, например, на вопрос, допустимо ли вольное / демократичное / свободное токование функций *мирового судьи* в правовой системе, разные правовые культуры ответят по-разному. В связи с этим разную семантику будут иметь и термины, соотнесенные с этим понятием. В российском праве мировой судья осуществляет правосудие по наименее сложным или опасным делам: например, по делам о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях; по делам о разделе между супругами совместно нажитого имущества; по имущественным спорам при цене иска, не превышающей пятисот минимальных размеров оплаты труда, установленных законом на момент подачи заявления; по делам, возникающих из трудовых отношений, за исключением дел о восстановлении на работе и т.п. [ст. 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации»].

Этот институт возник в российской (как и во французской) правовой системе значительно позже, чем в англо-американском праве. В 1864 г. в рамках судебной реформы Александра II был издан Указ «О наказаниях, налагаемых мировыми судьями», который устанавливал место и функции мировых судей в новой судебной системе России [Съезды мировых судей // <http://www.rusarchives.ru/guide/gatyo/fosp4.shtml>].

Термин *justice of the peace* используется в разных значениях в Англии и разных штатах США (куда он, несомненно, был заимствован из английской правовой терминосистемы). Кроме того, существуют исторические значения этого термина, более не употребляющиеся в связи с отменой данного института на определенных территориях.

В Англии более распространен термин *magistrates' court* – в отношении судов, выносящих решения по более чем 95 % уголовных дел в течение 600 лет: “Magistrate’s courts are the people’s courts (once popularly known as police courts) and are the lowest tier in the criminal justice system. They have been with us in one form or another for 600 years, and magistrates (justices of the peace, or JPs) for even longer...” [Berlins and Dyer 2000: 19, 83]. Изначально (с XII века) мировые судьи (**Keepers of the Peace, later JPs = justices of the peace**) были примитивными полицейскими органами, а в XIV веке они получили судебные полномочия. Несмотря на многочисленные исторические изменения в их функциях, статусе, юрисдикции и репутации, основополагающие принципы из деятельности остались прежними: правосудие в судах мировых судей осуществляется не профессиональными судьями или юристами, а назначенными представителями сообщества (*appointed representatives of the community*) [Berlins and Dyer 2000: 19].

В США местные должностные лица, осуществлявшие правосудие на новых территориях, вынуждены были выполнять далеко не только судебные функции. Такая ситуация свойственна и для Англии, но в Новом Свете их функции значительно расширились до административных (например, регистрация браков) и представительных. В результате в настоящее время *justice of the peace*, например, в штате Арканзас – избираемое должностное лицо в правительстве округа штата:

«The Justice of the Peace is an elected official in county government. The Constitution of the State of Arkansas provides for the election of the Justice of the Peace to a two year term of office with the requirements that he/she be a qualified elector and resident. In the event of a vacancy in office, the Governor fills the vacancy by appointment, and the appointee serves until the next general election, when a successor is elected» [Arkansas Justice of the Peace Procedural Manual].

Принцип деятельности данного должностного лица тот же, что и в Англии (не профессиональный юрист или судья, а выборное должностное лицо из жителей местного сообщества). Однако в отдельных США данное должностное лицо относится к низшей избираемой ступени не судебной, а административной / муниципальной представительной власти.

На федеральном уровне **justice of the peace как судебные органы** были упразднены: *justice of the peace* – a judicial officer of inferior rank, who presides in a court of statutorily limited *civil jurisdiction* and who is also a protector of the peace with limited jurisdiction in *minor criminal proceedings, prosecutions*, and commitments of offenders as fixed by statute. 94 S.W. 2d 632[□]. This office has been abolished in most states, with similar powers transferred to municipal or district courts [LD: 278]. Особо следует отметить, что во время своего повсеместного существования как судебный орган, *justice of the peace* осуществлял в США в первую очередь *гражданскую* юрисдикцию, в то время как в Англии до сих пор мировые судьи (*magistrates' courts*) разрешают подавляющее большинство *уголовных* дел в государстве.

Как видно из указанных выше исторических фактов, существующая в современной англоязычной терминологии полисемия терминологического сочетания (1) мировой судья; (2) представитель в представительном органе муниципальном округа – возникла в результате развития функций лица, должность которого обозначается этим термином, в разных правовых культурах/системах.

Сравним еще две лексикографические статьи из специальных словарей, ориентированных на английскую [LD] и американскую [BLD] правовую систему.

justice of the peace – see magistrates; *magistrates' courts*. [LD: 238]

Magistrates' courts. Some 700 courts, each constituted by any justice or justices of the peace acting under common law or any enactment or by virtue of a commission: M.C.A¹. 1980, s 148... Jurisdiction, which is local, is civil and criminal, largely comprising matters relating to: summary offences, indictable offences triable summarily; indictable offences triable only on indictment; offences triable either way; some domestic proceedings (see Domestic Proceedings and Magistrates' Courts Act 1978, Ch. A. 1989). [LD: 259]

Сопоставим эти дефиниции с толкованиями из американского юридического словаря:

Justice of the peace. A local judicial officer having jurisdiction over minor criminal offenses and minor and minor civil disputes, and authority to perform routine civil functions (such as administering oaths and performing marriage ceremonies). – Cf. Magistrate (3) [BLD: 718]

Magistrate - ... (2) A local official who possesses whatever power is specified in the appointment or statutory grant of authority. (3) A judicial officer with strictly limited jurisdiction and authority, often on the local level and often restricted to criminal cases [BLD 794].

Второе значение в статье последней **magistrate** является наиболее широким из всех, анализируемых в данной статье значений этого термина. Именно оно дает возможность довольно свободной интерпретации термина и соотнесенного с ним правового понятия в разных англоязычных правовых терминосистемах: данному лицу местное законодательство может назначить либо судебные, либо административные, либо иные функции на муниципальном уровне по своему усмотрению.

Итак, приведем сводную таблицу, наглядно показывающую территориальные различия в значении термина **justice of the peace**.

¹ Magistrates' Courts Act (UK)

Таблица 1.

<p>Понятие/ термин</p>	<p>Англия</p>	<p>Большинство штатов США</p>	<p>Широкое толкование термина/понятия (США)</p>	<p>Отдельные штаты (например, Арканзас)</p>
<p><i>Мировой судья/justice of the peace (JP)</i></p>	<p><i>Keepers of the peace</i> (XII – XIV cc.), <i>magistrates' courts</i> (are constituted by <i>JPs</i>) local courts, acting under common law; JPs are elected/appointed; not professional judges (местные суды магистратов, состоят из непрофессиональных мировых судей, решающих мелкие гражданские и уголовные дела)</p>	<p><i>Justice of the peace</i> – институт отменен в большинстве штатов, функции переданы окружным / районным судам): A local judicial officer in charge of minor civil, criminal and some administrative matters (oaths and marriages) (лицо, осуществляющее правосудие на местном уровне: мелкие гражданские, уголовные дела, а также обладающее административными полномочиями: принимает присяги и заключает браки)</p>	<p><i>Justice of the peace</i> – a local official who possesses whatever power is specified in the appointment or statutory grand of authority (местное должностное лицо, выполняющее любые функции, возложенные на него местным законодательством)</p>	<p><i>Justice of the peace</i> – an elected official in county government (Arkansas Constitution, Justice of the Peace Procedural Manual) (избираемое должностное лицо в правительстве административного округа штата Арканзас)</p>

Итак, из таблицы видно, что понятие «мировой судья» (или изначально в Англии XII века «хранитель мира») имеет длительную историю. В связи с этим функции данного должностного лица в разные периоды на разных территориях англоязычных государств варьировались от полицейских (в средневековой Англии) и судебных (мировые судьи магистратских судов в современной Англии) до административных (принятие присяги и заключение браков в США) и представительных (избираемое должностное лицо в правительстве округа штата – например, в Арканзасе).

Таким образом, термин *justice of the peace* выполняет функцию аккумуляции исторической информации о данном правовом институте (функция фиксации знания). Разные сообщества на территории Англии и США по-разному решали и решают вопрос о том, должностное лицо с какими функциями им необходимо для решения наиболее важных проблем местного уровня. Эти представления о порядке, организации местных правоохранительных, представительных и судебных органов отражаются в правовых понятиях, обозначаемых или выражаемых юридическими терминами. Как видно из проанализированных выше примеров, такие термины также выполняют познавательную или эвристическую функцию для специалиста, желающего понять правовую культуру и базовые ценностные представления жителей англоязычных государств.

Список литературы

1. Arkansas **Justice of the Peace Procedural Manual** // www.arcounties.org – дата обращения: 10.03.2009.
2. Berlins, M. and Dyer, C. *The Law Machine*. Penguin Books, 2000. 216 p.
3. **BLD** - Garner, Bryan, A. *Black's Law Dictionary*. Thompson, 2005. 1364 p.
4. **DL** – Curzon, L.B. *Dictionary of Law*. Essex, 2002. 471 p.
5. Голованова, Е.И. Эвристический потенциал когнитивных тер-

List of literature

1. Arkansas **Justice of the Peace Procedural Manual** // www.arcounties.org – дата обращения: 10.03.2009.
2. Berlins M. and Dyer C. *The Law Machine*. Penguin Books, 2000. 216 p.
3. **BLD** - Garner, Bryan A. *Black's Law Dictionary*. Thompson, 2005. 1364 p.
4. **DL** - Curzon L.B. *Dictionary of Law*. Essex, 2002. 471 p.
5. Golovanova E.I. *Jevristicheskiy potencial kognitivnyh terminov i*

минов и развитие терминоведения // Терминология и знание. Материалы I **Международного симпозиума** (Москва, 23 – 24 мая 2008 г.). М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2009. С. 51-64.

6. Съезды мировых судей // <http://www.rusarchives.ru/guide/gatyo/fposp4.shtml> – дата обращения: 29.04.2009.

7. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. N 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 22.07.2008 N 147-ФЗ. // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=78538> – дата обращения 29.04.2009.

razvitie terminovedenija // Terminologija i znanie. Materialy I **Mezhdunarodnogo simpoziuma** (Moskva, 23 – 24 maja 2008 g.). M. : Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2009. S. 51-64.

6. S#ezdy mirovyh sudej // <http://www.rusarchives.ru/guide/gatyo/fposp4.shtml> – data obrawenija: 29.04.2009.

7. Federal'nyj zakon ot 17 dekabrja 1998 g. N 188-FZ “O mirovyh sud’jah v Rossijskoj Federacii” v redakcii Federal’nogo zakona ot 22.07.2008 N 147-FZ. // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=78538> – data obrawenija 29.04.2009.

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КАТЕГОРИИ ТОВАРА В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ
(ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД)**

Л. А. Кочетова

Рассмотрены семантические стратегии репрезентации товара как центральной категории рекламного дискурса в диахроническом аспекте. Семантическая структура с товаром/ услугой в роли темы является прототипной для рекламного текста и выполняет идентифицирующую и воздействующую функцию. Рассматриваются основные изменения в использовании языковых средств реализации семантической категории товара\услуги и их прагматический эффект.

Ключевые слова: семантическая стратегия, семантическая категория, тема-рема-тематическая структура, воздействие.

В лингвистике изучение изменений и тенденций в рекламе на протяжении отдельных периодов ее существования оставалось неостребованным. В этой области преобладают исследования, выполненные на синхронном уровне, акцентирующие вневременные аспекты рекламы. Большинство работ в области истории рекламы либо содержат большое количество примеров без лингвистического анализа, либо преследуют социологический интерес, описывая взаимозависимость рекламы и социальных аспектов. Таким образом, мы предполагаем, что изучение семантических аспектов рекламы в диахроническом аспекте является актуальным и может иметь значение для понимания исторической перспективы институционального дискурса.

Семантические стратегии определяют, как и какими языковыми средствами цель может быть достигнута и, следовательно, имеют непосредственное отношение к выбору семантических, стилистических и прагматических средств. Некоторые семантические стратегии обладают и риторическими свойствами. Риторический аспект речевых действий предусматривает максималь-

ную степень воздействия и преемственность для адресата стратегических целей говорящего и связан с приемом убеждения, привлечения внимания и т.д.

В рамках данной статьи мы рассмотрим семантические стратегии репрезентации товара/услуги и способы их языковой реализации в рекламе 18-20 веков. Семантические стратегии рекламного текста отражают рекламную ситуацию и реализуются в тема-рематической структуре текста.

Тема-рематическое членение предложения, содержащее референцию к товару или услуге, встречаются практически во все периоды истории рекламы. В немаркированных предложениях тема представляет известную информацию, в то время как рема содержит новую информацию (2. С. 299-300). Так как одна из функций рекламы передача информации об определенном товаре (1. С. 10), создатели рекламных текстов часто выбирают товар в качестве отправной точки рекламного сообщения, т.е. темы и сообщают дополнительные сведения о товаре в рематической части. Типичным примером данной организации информационной структуры является рекламный текст *Turf Cigarettes* (*The Times* May 21, 1917):

TURF CIGARETTES are

Manufactured from selected world- Famed Old Belt Virginia Tobacco. They

Need no argument as to their quality and excellence.

Практически все рекламные тексты содержат ссылку на товар/услугу, и тексты, не содержащие этой семантической категории, довольно редки. Таким образом, описанная выше информационная структура текста является типичной для рекламных текстов на протяжении всей истории их существования. Следует отметить, что в 18-19 веках и первой половине 20 века референция к товару встречается гораздо чаще, чем референция к адресанту или адресату и лишь начиная с 1980-х г.г. происходит смещение в сторону увеличения числа референций к адресанту и адресату, что связано со сменой идентификационной функции текста на апеллятивную.

В более современной рекламе текстовая референция к товару зависит от семиотического кода передачи информации. Некото-

рые рекламодатели передают свои сообщения с использованием невербального кода, обходясь без основного текста. Страховая компания Equity and Law, например, использует образ правосудия, чтобы вызвать ассоциации со справедливостью и равенством. Очевидно, текст призван показать, что компания дает возможность людям получать пенсию, которую они заслуживают. В случае с этим текстом семантика названия компании также содержит эти признаки, и использование иллюстрации усиливает воздействие на адресата (The Times, March 17, 1996).

Некоторые рекламные тексты вовсе не содержат упоминания о товаре, т.к. предполагается, что фоновые знания адресата позволяют ему идентифицировать товар или услугу по названию производителя товара или поставщика услуг. В большинстве случаев это касается банков и страховых обществ, например, банк Barclays ограничивается перечислением филиалов в разных странах без упоминания предоставляемых услуг. Хотя рекламодатели полагаются на то, что адресат узнает предлагаемую услугу благодаря прочной репутации компании на рынке, часто понимание обеспечивает родовое существительное в названии компании. В связи с тем, что услуги банков, страховых обществ, ипотечных компаний касаются кредитов, счетов, условий страхования, разнятся лишь в незначительных деталях и недоступны для понимания широкой публики, рекламные тексты, пренебрегают описанием их услуг и полагаются на стратегию продвижения брэнда, т.к. уникальность компании придает уникальность услуге. Так вышеупомянутый Barclays банк в своей рекламе имплицитно передает информацию, что он является единственным, который имеет международную сеть филиалов и таким образом предоставляет свои услуги на международном уровне.

В отличие от семантических стратегий представления адресанта и адресата стратегии репрезентации товара содержат эллиптические конструкции. В ранних рекламных текстах эллипсис представляет собой грамматическую категорию и не представляет труда для декодирования, например:

CHARIOT nearly new, having been built this

Season by Houlditch; has imperial dashboard, large boot, shoe

drag, and is otherwise complete: will be shewn at his manufactures; long Acre, opposite Bow street (The Times August 10, 1825).

В рекламных текстах 20 века эллипсис допускает несколько интерпретаций и используется главным образом как риторическая фигура для придания высказыванию динамичности и усиления воздействия. В связи с тем, что эллипсис встречается в предложениях, описывающих характеристики товара, представляется возможным классифицировать эллиптическую часть как референцию на товар. В противоположность рекламным текстам восемнадцатого и девятнадцатого веков они не содержат структур, позволяющих декодировать сообщение однозначно, поэтому допускается несколько интерпретаций, как, например, в рекламном тексте компании *Mercury Communications*, предлагающим свою услугу *Mercury MiniCall*, основной текст которого состоит исключительно из эллиптических конструкций:

No contract

No monthly bills

Nationwide coverage

Can be called from any phone

Uses standing battery up to 6 weeks (The Times March 15, 1996).

Незаполненная позиция подлежащего и сказуемого, представляющая собой тематическую часть, может реконструироваться при помощи референции к товару, например, *Mercury MiniCall* requires no contract, *Mercury MiniCall* is not paid in monthly bills, *Mercury MiniCall* has Nationwide coverage, *Mercury MiniCall* can be called from any phone, *Mercury MiniCall* uses standing battery up to 6 weeks.

В роли подлежащего может выступать адресат: You need no contract, You get no monthly bills, You get nationwide coverage. You can be called from any phone, You can use standing battery up to 6 weeks. Более того, допускается реконструкция адресанта рекламного текста, который создается от имени компании *Mercury Communications*: *Mercury Communications* | we don't insist on a contract, *Mercury MiniCall* | we do not ask to pay by monthly bills, *Mercury MiniCall* | we offer nationwide coverage.

Неоднозначность эллиптических конструкций позволяет не только предоставить информацию о товаре, но и вовлекает адре-

сата в коммуникативный процесс, устанавливая более тесные связи с производителем в зависимости от способа интерпретации эллипсиса и усиливая эффект воздействия. Таким образом, текст успешно выполняет три основные функции рекламы: информирования, убеждения, основанного на отношениях доверия к адресанту и побуждения к действию, которое является результатом вовлеченности в рекламный дискурс. Следует отметить, что использование эллиптических конструкций создает возможность для манипуляции, т.к. различные интерпретации текста делают неясным, что в действительности предлагается: относятся ли утверждения ко всем тарифным планам компании или к одному из них Bravo Express или Echo. Приведенный пример текста является типичным для нашей выборки, что позволяет говорить об определенной тенденции в использовании семантической категории описания товара.

В нашей выборке текстов, референции к характеристикам товара наблюдаются практически во всех рекламных текстах, начиная с конца 18 века, и являются отличительным элементом рекламы. В отличие от референций к товару, характеристики товара гораздо чаще помещаются в рематическую позицию, что также объясняется информационной структурой текста. Так как референция к характеристикам товара сообщает адресату новую информацию о рекламируемом товаре – или, по меньшей мере, напоминает потребителю об этих характеристиках, она обычно занимают конечную позицию в информационной единице.

Частота референций к характеристикам товара обусловлена информативной функцией рекламы. Этот аспект всегда акцентировался рекламодателями и исследователями, с тех пор как с начала 20 века началось теоретическое изучение рекламы. В начале 1920-х г.г. Ч. Хайэм, например, считал информацию основной функцией рекламы, давая следующее определение рекламы: «**To advertise is to organize the distribution of information**» – «**Рекламировать значит организовать распространение информации**» (3. С. 11). Намного позднее, в 1960-е г.г., Д. Огилви также подчеркивал информационную ценность рекламы. По его мнению, цель рекламы состоит в том, чтобы адресат узнал что-то совершенно новое

для него и, как следствие, захотел бы попробовать товар (4. С. 90). Тогда как Д.Огилви считает, что вся релевантная информация должна входить в рекламное сообщение, Р. Ривз полагает, что потребители склонны запоминать только одну единицу информации, и в центре рекламного сообщения должно находиться уникальное торговое предложение (5.С.46-49). С начала маркетинговой революции в фокусе рекламы находится потребитель, и перспектива описания товара меняется. Реклама нацелена на позиционирование товара, что означает, что она должна не только предоставлять необходимую информацию, но эта информация должна помещать товар в определенную позицию в сознании потребителя, выделять его среди конкурирующих товаров (1. С.180).

В соответствии с информационным критерием, который присутствует практически во всех подходах к определению функций рекламы, рекламодатели всегда предлагают более или менее пространственное описание рекламируемых товаров. Реклама Bayley and Lowe является примером детального описания товара. Текст перечисляет все характеристики румян Liquid Rouge, начиная с наиболее общих характеристик и заканчивая тем, что они придают лицу естественный вид (The Times June 16, 1788):

VEGETABLE LIQUID ROUGE

PREPARED by BAYLEY and LOWE, who beg leave to recommend it to the notice of the Ladies, it being perfectly innocent, and possessing qualities not to be found in any other kind now in use. It gives a colour to the complexion, so nearly resembling nature, as not to be distinguished by the most curious observer, and adheres so closely to the skin as not to be wiped off without wetting. It equally suits every complexion, as it will produce any degree of colour from the lightest tint to the most florid. Likewise, their Crepon d'Angleterre, which possesses the same properties as the Liquid Rouge, and is used by the Ladies of Paris in preference to China Wool. To be had only at their shop, in Cockspur-Street, and T.Golding, Perfumer, in Cornhill.

Следует отметить, что стилистика рекламных текстов, начиная с 20 века, меняется в пользу экономии средств выражения, что, по нашему мнению, обусловлено динамикой развития жанра рекламы с общей тенденцией к сокращению количества слов,

увеличению количества пустого пространства с целью выделения рекламного текста на фоне других газетных текстов. В текстах 20 века вместо пространных описаний товара с использованием форм страдательного залога с большой степенью вероятности были бы использованы прилагательные, например, *unique* вместо *possessing qualities not to be found in any other kind now in use*; *natural* вместо *so nearly resembling nature, as not to be distinguished by the most curious observer*; *long-lasting* вместо *adheres so closely to the skin as not to be wiped off without wetting*.

Во второй половине 20 века значительное увеличение количества рекламных текстов обеспечивало преимущество тем, которые использовали идею уникального торгового предложения, тем не менее, только небольшое количество рекламодателей ограничивалось описанием всего лишь одного свойства товара/услуги. Этот факт объясняется, по-видимому, сложностью задачи совмещения информативной функции и функции убеждения в рамках в ограниченных рамках. В следующем рекламном тексте автомобиля Volvo (*The Times March 15, 1996*) стратегия позиционирования товара представлена посредством использования отрицательных конструкций в сочетании с техническими характеристиками автомобиля. Таким образом, рекламодатель пытается изменить широко распространенное отношение к дизельным автомобилям как к дорогим, потребляющим много топлива и скучным, позиционируя Volvo в противоположность другим дизельным маркам как достаточно недорогой автомобиль, подходящий для приключений.

The New Volvo Turbo Diesel an Incredible rate of Nots.

Not slow: 0-60 mph in 9.9 seconds. Not sluggish: delivers 140 bhp. Not dull: capable of 125 mph. Not boring: 215lb/ft torque for swift overtaking. Not thirsty: 64 mpg at a constant 56 mph. Not smoky: lean burn catalytic converter. Not heavy handed: has all the classic Volvo 850 driving characteristics. Not beyond reach: prices start at 21, 975. Not your ordinary diesel. THE NEW VOLVO 850 TDL. A CAR YOU CAN BELIEVE IN.

Рекламные тексты, не содержащие описания товара, встречаются в послевоенный период, когда одной информации о наличии

товара было достаточно чтобы стимулировать потребление, а также в период экономического спада в 1980-е г.г., что было вызвано двумя обстоятельствами: с сокращением расходов на рекламу, смещением акцента в пользу адресата рекламы, что особенно заметно в рекламе банков, страховых компаний и т.д., услуги которых практически не отличаются.

Ведущая роль в описании товаров/услуг принадлежит прилагательным в силу их синтаксических функций, способности выступать как в функции определения, так и предикативной позиции к товару/услуге. Прилагательные могут относиться к характеристикам товара прямо или косвенно. Прямая референция осуществляется, если прилагательное употребляется в функции определения к товару /услуге. Прилагательные, относящиеся к товару/услуге синтаксически, описывают характеристики товара косвенным образом, например: *Owning a Rover is something to boast about* (The Independent, June 17, 1995). Предсказываемая гордость потенциальных покупателей предполагает, что автомобиль обладает превосходными качествами и является показателем высокого социального статуса. В отношении грамматической формы количество прилагательных в превосходной степени и имплицитных суперлативов в начале 20 века значительно уменьшилось. Использование прилагательных в основной форме, напротив, увеличилось, т.к. они позволяют создать впечатление объективного, независящего от субъекта речи описания товара. Прилагательные в сравнительной степени получили распространение в 1930-х г.г. Примером типичного текста 19 века с использованием превосходной степени прилагательных может служить реклама часов: *Best on Earth. Stemwind and Pendant Set Watch* (<http://library.duke.edu/digitalcollections/ea.A0500/pg.1/>)

Тексты 20 века полагаются на сравнительные степени прилагательных. Следует оговорить, что эти сравнения носят эллиптический характер, например: *Better spec. Better price. Better buy Dell* (The Guardian, August 7, 1997). В связи с тем, что предмет сравнения не указан, адресат восстанавливает эллиптические конструкции в соответствии со своим опытом в отношении используемой в настоящее время марки товара, в то время как в 18

и 19 веках предмет сравнения был эксплицитным. Использование прилагательных в сочетании с интенсификаторами имеет место в рекламе с 18 века, тем не менее, наречия, выступающие в роли интенсификатора, претерпели изменения. В 18-19 в.в. популярным было наречие *highly*, в то время как в 20 веке предпочтение отдается наречиям *incredibly, extremely: extremely attractive prices and terms* (The Times March 13, 1980). Во второй половине 20 века наблюдается тенденция к использованию таких единиц, как модальных слов *possible, perhaps, just* способствующих снижению категоричности пропозиционального содержания высказывания и сочетающихся в предложении с номинативной фразой или глаголом. Данные единицы выполняют две основные функции: смягчают точку зрения адресанта, делая ее социально приемлемой; придают рекламному тексту черты устной коммуникации, например в рекламе пива: *Carlsberg. Perhaps the best beer in the world*. В рекламном дискурсе интенсификаторы используются для косвенной референции к качествам рекламируемого товара, представляя его характеристики как необходимые, тем самым убеждая потребителей в его приобретении: *Hydrience. Incredible colour. Incredibly gentle (Clairol colour crème)*.

Если рассматривать соотношение дескриптивных и оценочных прилагательных, то в описании товара наблюдается некоторое увеличение доли дескриптивных прилагательных. Как показывает анализ, в 18-19 веках доля оценочных прилагательных составляла около 25-30 % от общего количества, в начале 20 века эта цифра снизилась до 20 %, а во второй половине 20 века и начале 21 века число оценочных прилагательных составляет всего 10-15 %. Подобные изменения соотношения грамматических форм и семантики прилагательного, свидетельствующие об отходе от стратегии приписывания оценки товару создателями рекламного текста, отражают новый взгляд на адресата рекламы как на авторитетного и компетентного потребителя, способного самостоятельно оценить его качества.

Таким образом, семантические стратегии репрезентации товара претерпели существенные изменения на протяжении рассматриваемого периода. Выделенные тенденции: снижение ко-

личества прилагательных в превосходной степени, переход от прямых описаний свойств товара к косвенным, намекам, предположениям, увеличение доли атрибутивов конкретной семантики позволяют говорить о преобладании косвенного воздействия, что в свою очередь связано с меняющимся взглядом на потребителя.

Список литературы

1. Bovee, L. Contemporary advertising. Homewood, Ill. : R.D. Irwin, 1982. 808 p.
2. Halliday, M. A. K. An **Introduction** to Functional Grammar (2nd edition). London : Arnold, 1994. 434 p.
3. Higham, C. Advertising; its use and abuse. London, Williams & Norgate, ltd., 1925. 78 p.
4. Ogilvy, D. Confessions of an Advertising Man. New York: Atheneum, 1980, [1963]. 172 p
5. Reeves, R. Reality in Advertising. [1st Borzoi ed.]. New York, Knopf, 1961. 153 p.

List of literature

1. Bovee, L. Contemporary advertising. Homewood, Ill. : R.D. Irwin, 1982. 808 p.
2. Halliday, M. A. K. An **Introduction** to Functional Grammar (2nd edition). London : Arnold, 1994. 434 p.
3. Higham, C. Advertising; its use and abuse. London, Williams & Norgate, ltd., 1925. 78 p.
4. Ogilvy, D. Confessions of an Advertising Man. New York : Atheneum, 1980, [1963]. 172 p
5. Reeves, R. Reality in Advertising. [1st Borzoi ed.]. New York, Knopf, 1961. 153 p.

**КОНТАМИНИРОВАННЫЕ СЛОВА В РЕЧИ РЕБЕНКА
КАК ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ
И ЛОГИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ ЯЗЫКА**

Н. А. Лаврова

Статья посвящена анализу контаминированных слов в детской речи. Показано, что детские контаминанты не являются в строгом смысле проявлением творческого мышления ребенка, а напротив – стремлением к обобщению лексико-грамматических законов языка и экстраполяцией усвоенных моделей при образовании новых слов.

Ключевые слова: контаминант, морфологический осколок, аналогия, генерализация

Вопрос о том, каким образом ребенок учится говорить, уже многие тысячелетия волнует людей. Вот, что по этому поводу пишет Святой Августин: «взрослые вокруг меня не учили меня словам...каким-то определенным методом я сделал этот сам, страстно желая...выразить свою волю...Я сделал это сам благодарю прозрению, которое Ты, Господи, дал мне, сделал сам, перебирая звуки в с своей памяти. И так, постоянно слыша слова, которые звучали в разных предложениях, постепенно стал понимать, что они значат, и, ломая язык, чтобы заставить звуки превратиться в эти знаки, я таким образом дал выход своей воле» [5. С. 83]. Приведенная цитата показывает, что, по мнению Св. Августина, ребенок обучается речи самостоятельно, не просто подражая взрослым и усваивая уроки обучения, а постепенно переходя на качественно новый этап речевого поведения. Слово, фраза и предложение появляются в речи ребенка не только как результат подражания взрослым или как следствие получения отрицательного или положительного подкрепления, доказательством чего служит качественная и количественная несводимость первых высказываний ребенка к высказываниям взрослых. Активное восприятие и переработка полученной информации позволяет ребенку в определенном смысле самостоятельно подбирать имеющиеся в запа-

се слова и организовывать их в синтаксически удобные и емкие структуры, в частности в так называемые “pivot-конструкции”, или опорно-осевые фразы, одним из компонентов которой являются часто употребляемые ребенком и емкие по семантике слова, типа ‘more’ («еще»), ‘there’ («там»), ‘go’ («идти»), ‘is’ («есть», «имеется») и т.д.

Процесс овладения языком ребенком сопряжен со стремлением обобщить, генерализировать языковой материал. В то же время специфика детской речи состоит в отклонении от норм канонической речи, эти отклонения в известном смысле можно назвать языковой или речевой неудачей ребенка. При знакомстве с предметами и объектами внешнего мира ребенок воспринимает их всеми доступными органами чувств, а также посредством реакции на эти предметы окружающих, таким образом устанавливается связь между объектами и их интегральными характеристиками. Иными словами, познание осуществляется непосредственно в деятельности. На основе сделанных сравнений, обобщений и разграничений у ребенка формируются элементарные представления и понятия, которые нужно выразить в слове. Контаминированные слова в детской речи являются результатом скрещивания, взаимодействия обычно двух слов, называющих такие явления окружающего мира, в которых ребенок отметил общие, сближающиеся черты, недостаточно разглядев при этом различительные признаки. «Как бы ни были ярки и остроумны построенные ребенком словообразовательные, морфологические и другие инновации, они дают не тот результат, на который рассчитывал ребенок, и в этом смысле оказываются для него как носителя языка неудачей. И веселое одобрение, и восхищение, с которым взрослые обычно реагируют на проявления детского языкотворчества, и отношение лингвистики к детской речи как к феномену вдруг обретает осязаемое воплощение, так что ее оказывается возможным наблюдать и описывать, – носят, в сущности, эгоистический характер. Мы ищем в детской речи то, что в ней интересно, забавно, остроумно, многозначительно с нашей «взрослой» точки зрения, не задаваясь вопросом о том, что означают эти творческие проявления для ребенка как говорящего субъекта, а не объекта на-

шего наблюдения. Как бы ни было ребенку приятно веселое удивление и восхищение взрослых, оно не может заменить ему то, без чего невозможно повседневное языковое существование, а значит, жизнь в обществе, – необходимости научиться выражать свои намерения так, чтобы можно было рассчитывать на более или менее предсказуемую реакцию коммуникативной среды» [7. С. 112]. Как указывает Б.М. Гаспаров (1996), даже правильные с точки зрения грамматики и семантики слова и выражения не представляют собой в памяти ребенка строго зафиксированные формулы. Вступая друг с другом в ассоциативные связи, они подвергаются всевозможным модификациям, деформациям и трансформациям, иными словами, контаминируются, «постепенно перерабатываясь таким образом в конгломерат языкового опыта» [1. С. 21].

Т.Н. Ушакова (2000) выделяет три основных принципа, по которым дети создают новые слова: 1. Осколки слов (часть слова используется как целое слово, например «пах», «прыг»). 2) Прибавление к корню слова окончания другого (создание слов по аналогии, например «правдун», «сухота», «рваность») 3) Контаминированные слова («синтетические слова» по терминологии Т.Н. Ушаковой): *ворунишка* (*вор* + *врунишка*), *вкуски* (*вкусные куски*), *бабезьяна* (*бабушка обезьяны*). Напомним, что традиционно под контаминацией (от лат. *contaminatio* – «соприкосновение», «смешение») понимают объединение квазиморфов, или «осколков» морфем (Ср. англ. “**morphemic splinters**”) **двух или более языковых** единиц на базе их структурной, функциональной, семантической, или индивидуальной для говорящего близости, в результате чего возникает новая языковая или речевая единица. Явление контаминация можно наблюдать на всех языковых уровнях (В.В. Шадрухина, 2003): фонетическом (В.М. Лейчик), морфологическом (В.В. Бабайцева, В.М. Лейчик), лексическом (В.М. Лейчик), синтаксическом (В.А. Ицкович, Б.С. Шварцкопф, Н.Ю. Шведова), фразеологическом (Л.И. Ройзензон, И.В. Абрамец). Контаминированные слова в детской речи представлены следующими подгруппами (Н.А. Саенкова, 1996):

1. Контаминация, возникшая как следствие сближения и взаимодействия двух слов одной тематической группы, при этом

нейтрализуются дифференциальные признаки, на передний план выходят интегральные признаки, ставшие структурной и семантической базой нового слова: *банна* (*баня* + *ванная*), *мапа* (*мама* + *papa*). Контаминации двух имен существительных, связанных по ассоциации: *ноздырки* (*ноздри* + *дырки*), *волосетка* (*сетка* для *волос*).

2. Контаминация двух имен существительных, одно из которых уже известно ребенку, другое неизвестно, только что услышано, но по звуковой форме близко известному. Незнакомое слово становится основой нового слова, взаимодействуя с ним и принимая на себя значение первого. Таким образом, далекое семантическое пространство двух слов сближается: *гладиолуди* (*гладиолусы* + *желуди*), *мотоцип* (*стрептоцид* + *мотоцикл*).

3. Контаминация двух слов, взаимодействующих в синтагматическом ряду и обнаруживающих общие семантические компоненты. При этом происходит перераспределение семантических ролей, подчеркивается функция, свойственная глаголу: *питылка* (*пить* + *бутылка*), *мазелин* (*мазать* + *вазелин*), *клялочка* (*класть* + *палочка*). Контаминированные детские слова свидетельствуют о процессе речемыслительной деятельности ребенка: «Контаминированные образования – одно из явлений, обнаруживающих тот факт, что ребенок «нащупывая» центр языка, начинает с его периферии и постепенно приходит к установившейся в традиции норме» [4. С. 19].

Структурно-семантический анализ контаминированных слов вообще и детских контаминантов, в частности, сопряжен с проблемой разграничения контаминации и новообразований, созданных по аналогии. Так, во многих случаях в речи ребенка трудно определить, что это – контаминант или слово-аналог. Рассмотрим конкретный пример. Слово «почтаник» употребляется в речи ребенка (мальчик, 3 года) по отношению к почтальону. В русском языке достаточно много слов, оканчивающихся на «-ник»: *пожарник*, *сапожник*, *колхозник*, *печник* и т.д. С другой стороны, это не случайно, так как известно, что суффикс «-ник» образует имена существительные со значением деятеля или представителя определенной профессии. Что же это – образование по аналогии

или контаминант? По всей вероятности, первое, так как «почтаник» употребляется именно для обозначения почтальона, а не представителя некоторой смежной профессии. Таких примеров в языке немало. «Детские оговорки, основанные на ассоциации, совершаются тогда, когда из сетей хранения выбираются слова, которые, в свою очередь, активизируют соседние поля слов и звуков...С возрастом милых детских оговорок делается все меньше...Можно сказать, что уровень «оговорчивости» ребенка отражается степень зрелости его мозга» [3. С. 1].

Как указывает М.М. Кольцова (2002), словотворчество, как и усвоение обычных слов родного языка, имеет в своей основе подражание тем речевым стереотипам, которые дают детям окружающие люди, поэтому ни одно новое детское слово нельзя считать абсолютно новым – в словарном запасе ребенка обязательно есть образец, по которому это слово построено. Таким образом, основой здесь выступает усвоение речевых шаблонов. Использование приставок, суффиксов, окончаний, создание контаминантов в целом соответствует лексико-грамматическим и логическим законам языка, но за счет того, что в языке немало исключений, детские новообразования оказываются ненормативными, неправильными. В этом отношении совершенно правы те, кто подчеркивают тонкое чувство языка у детей. Но это же тонкое чувство языка отличает весь ход формирования детской речи, оно не проявляется только в словотворчестве. Более того, если рассматривать детское словотворчество не как отдельное явление, а в связи с общим развитием речи ребенка, то напрашивается вывод о том, что в его основе лежат не особые творческие силы ребенка, а, напротив, ярко выраженная стереотипия работы мозга. Главный механизм здесь – выработка языковых и речевых шаблонов и их широкое использование. Итак, словотворчество на определенном этапе развития детской речи представляет собой закономерное явление и выражает недостаточное овладение разнообразием словообразовательных моделей и грамматических форм родного языка.

Список литературы

1. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
2. Кольцова, М.М. Ребенок учится говорить. Пальчиковый игротренинг. М. : Saga, 2002. 224 с.
3. Лалаянц, И. Ляпсус-оговорка // Здоровье детей. № 4 (350), 16-29.02.2008. [Электронный ресурс]. – URL : <http://zdd.1september.ru/article.php?ID=200800403>
4. Саенкова, Н.А. Контаминация как факт речемыслительной деятельности ребенка // Проблемы детской речи: Материалы межвузовской конференции по проблемам детской речи. РГПУ им. А.И. Герцена. [Электронный ресурс]. – URL : http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/glava_4.html
5. Слобин, Д., Грин Дж. Психолингвистика. М. : Прогресс, 1976. 350 с.
6. Ушакова, Т.Н. Психологическое содержание речи ребенка 3-5 лет, 2000. № 2. С.56-65
7. Часовская, М.А. Влияние биологических и социальных факторов на развитие мыслительной и речевой способности у детей // Культура народов Причерноморья. 2003. № 42. С. 110-112. [Электронный ресурс]. – URL : www.nbuv.gov.ua/Articles/KultNar/knp42/knp42_106_110.pdf

List of literature

1. Gasparov, B. M. Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo suwstwowanija. M. : Nowoe literaturnoe obozrenie, 1996. 352 s.
2. Kol'cova, M. M. Rebenok uchitsja goworit'. Pal'chikowij igrotrening. M. : Saga, 2002. 224 s.
3. Lalajanc, I. Ljapsus-ogoworka [Jelektronnyj resurs] // Zdorow' edetej. № 4 (350), 16-29.02.2008. [Электронный ресурс]. – URL : <http://zdd.1september.ru/article.php?ID=200800403>
4. Saenkowa, N. A. Kontaminacija kak fakt rechemyslitel'noj dejatel'nosti rebenka [Jelektronnyj resurs] / N.A. Saenkowa // Problemy detskoj rechi: Materialy mezhwuzovskoj konferencii po problemam detskoj rechi. RGPU im. A.I. Gercena. [Электронный ресурс]. – URL : http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/glava_4.html
5. Slobin, D., Grin Dzh. Psiholingwistika. M.: Progress, 1976. 350 s.
6. Ushakowa, T.N. Psihologicheskoe soderzhanie rechi rebenka 3-5 let, 2000. № 2. S.56-65
7. Chasovskaja M. A. Vlijanie biologicheskix i social'nyx faktorow na razwitie myslitel'noj i rechevoj sposobnosti u detej [Jelektronnyj resurs] // Kul'tura narodow Prichernomor'ja. 2003. № 42. S. 110-112 [Электронный ресурс]. – URL : www.nbuv.gov.ua/Articles/KultNar/knp42/knp42_106_110.pdf

**СПЕЦИФИКА ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ЖАНР АНЕКДОТА**

А. М. Морозова

Данная статья посвящена исследованию специфики юмористического дискурса как особого типа общения применительно к такому жанру как анекдот.

Ключевые слова: юмористический дискурс, анекдот, комический речевой жанр.

Юмористический дискурс занимает особое место среди других типов общения и рассматривается нами как сложное коммуникативное явление, как устное речевое действие, включающее как социальный контекст, дающий представление об участниках коммуникации и их характеристиках, так и процессы производства и восприятия сообщения. Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения. Характерными признаками такой ситуации являются, на наш взгляд, следующие: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре.

Коммуникативное намерение проходит несколько стадий в своей реализации: желание пошутить, оценка адекватности ситуации, вербальное выражение шутки, оценка реакции адресата. Следует отметить, что реализация юмористического коммуникативного намерения осуществляется мгновенно, и поэтому выделение стадий носит довольно условный характер. Кроме того, оценка ситуации и реакции адресата происходит на невербальном уровне: это взгляд, мимика, жестикация, определенные характеристики тембра голоса.

Юмористическая тональность представляет собой эмоциональную атмосферу общения, которая характеризуется друже-

любным отношением участников общения друг к другу, с одной стороны, и переворачиванием определенных ценностей, с другой стороны. Юмористическая тональность по своей сущности – это взаимная настроенность участников общения на юмор, это шемовое осмысление всего происходящего, готовность шутить и смеяться.

Начиная разговор о жанровой специфике юмористического дискурса, представляется возможным выделить анекдот как его центральный и специфический жанр. Анекдот представляет собой идеальную иллюстрацию текстового триединства (Баранов А.Г.): актуальный текст, виртуальный текст и текстотип. Вслед за зачином в анекдоте выделяется развитие темы, которое выражается либо как повествование в настоящем историческом времени, либо как описание (часто классификационное), либо дефиниция. Затем наступает момент кульминации анекдота, т.е. центральный пункт смешного события или явления; этот момент должен быть в какой-то мере неожиданным и парадоксальным. Кульминация в анекдоте – это его содержательный финал, но не финал коммуникативный, поскольку предполагается реакция на анекдот.

Рассматривая анекдот в качестве одного из жанров юмористического дискурса, отметим, что жанр дискурса (или жанр речи) трактуется нами вслед за М.М. Бахтиным как относительно устойчивое в тематическом, композиционном и стилистическом планах речевое произведение. Характерной особенностью речевого жанра является ситуативная повторяемость, ведущая к клишированию как конкретных языковых средств, принятых в соответствующих речевых произведениях, так и к структурной инвариантности смыслового ядра этих произведений. Жанр предполагает знакомство коммуникантов с жанровым каноном, т.е. с требованиями к тексту, который попадает в тот или иной жанровый разряд. Если адресат не знает, к какому жанру относится текст, то определение жанровой принадлежности осуществляется на основании двух важнейших критериев: ситуативная привязка речи и жизненный опыт получателя сообщения. Речевые жанры неоднородны в различных отношениях, в частности, они неоднородны по глубине: тот или иной жанр речи может распадаться

на разновидности (субжанры), которые также могут оказаться достаточно сложными.

Представляется весьма интересной модель речевого жанра, предлагаемая Т.В. Шмелевой. Автор устанавливает следующие жанрообразующие признаки: 1) **коммуникативная цель**, на основании которой противопоставляются информативные, императивные, этикетные и оценочные речевые жанры, 2) образ автора, 3) образ адресата, 4) **образ прошлого**, 5) **образ будущего**, 6) **диктумное (событийное)** содержание, 7) языковое воплощение (Шмелева 1997). Развивая идею М.М. Бахтина о речевых жанрах, А. Вежбицкая предлагает моделирование жанров речи на специальном семантическом языке, «ригористично кодифицированном, но не искусственном», при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания (Вежбицкая 1997: 103).

Ю.В. Щурина, анализируя речевые жанры комического, утверждает, что прообразом этих жанров является шутка в виде бытовой реплики. Более сложные (вторичные) речевые жанры комического включают шуточный афоризм, велеризм, эпиграмму, анекдот, диалогическую миниатюру. Наиболее сложными жанрами комического признаются юмористический или сатирический рассказы, фельетон, сатирический роман (Щурина 1999: 147). Из приведенных жанров комического относительно мало известен велеризм, который представляет собой «высказывание, включающее в качестве необходимых компонентов устойчивое выражение, ситуацию, автора цитируемой реплики; при этом связи между ними носят специфический характер несоответствия между значением выражения и тем применением, которое оно приобретает в контексте» (там же: 152): «Ничто так не освежает, как сон, сэр, как сказала служанка, собираясь выпить полную рюмку опия» (Ч. Диккенс). Можно добавить к приведенному списку вторичных речевых жанров комического пародию, пустоговорку, частушку, лимерик, детские шуточные стихи (*nursery rhymes*), шуточные сентенции на стенах (*Wandspruch*), детские стихи-страшилки. Эти жанры относятся к фольклору (как частушки и многие лимерики) и к авторским речевым произведениям.

В исследовании О.А. Чирковой рассматривается поэтика устного народного анекдота. Автор выделяет такие системообразующие признаки анекдота, как 1) размытый хронотоп (отсутствие единого пространственно-временного эталона, отсутствие противопоставления вымысла и достоверности), 2) **трикстерская модель** поведения главного персонажа анекдота (трикстер – это шут, хитрец, постоянно попадающий в смешные ситуации, из которых он, тем не менее, выходит с успехом, иногда терпит поражение, но не воспринимает поражение как трагедию), 3) **непредсказуемость** сюжета и событийная инверсия (в анекдоте действует не естественная логика событий, а логика событий, определяемая персонажем), 4) **специфический набор жанровых приемов**, подчиненных принципам лаконизма, контраста, законам конверсии и трансмутации (т.е. свертывания и развертывания), 5) **пародирование** как основной способ интертекстуальных связей анекдота (Чиркова 1997: 5–6).

Анекдот, короткий забавный рассказ, несомненно заслуживает специального изучения. С одной стороны, смех и комическое относятся к важнейшим концептам культуры, к таким координатам бытия, как официальное и карнавальное отношение к миру, по М.М. Бахтину, и соответственно находят разнообразное выражение в языковой семантике и прагматике. С другой стороны, анекдот представляет собой устойчивую форму повествования и характеризуется признаками, отличающими этот тип текстов от смежных типов. И культурологическое, и текстуально-стилистическое изучение анекдотов становится более полным при учете этнокультурных и социокультурных данных. Анекдот в том или ином виде можно встретить в любой из внутринациональных речевых культур, но по своей сути этот речевой жанр относится к разговорному общению, для которого характерно совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего общения (Гольдин, Сиротина 1993: 15).

Все анекдоты и шутки можно классифицировать на основании различных критериев. Наиболее частыми признаками соответствующих текстов выступают их тематика и источник. Выделяются бытовые, политические, медицинские, армейские, театральные

анекдоты, анекдоты о пьяницах, неверных супругах, о животных, олицетворяющих те или иные человеческие качества, о представителях определенных национальностей и социальных групп, с одной стороны, и английские, французские, русские, украинские, еврейские анекдоты, – с другой. Знаковое пространство образуется тремя общесемиотическими координатами - **отношениями** знака к миру (семантика), к интерпретатору (прагматика) и к другим знакам (синтактика). В ряде работ устанавливается различие между отношением знака к мысленным образам, отражениям (семантика в более узком смысле) и к объектам отражения (сигматика). Известно, что имело место некое событие. Это событие соотносится с объективным миром – известными фактами, вероятными фактами, знаниями о фактах и связях между явлениями, отношениями людей к этим фактам и т.д. У говорящего и слушающего есть общий фонд знаний, поведенческих установок и ценностей. Далее, текст анекдота накладывается на некую первооснову, которая выступает в качестве точки отсчета, это текстовый тип анекдота, его зачин и завершение, динамическая модель анекдотического развития действия. И, наконец, событие, о котором идет речь, излагается определенными языковыми средствами (отношение к самому способу выражения). Следует отметить, что различные стороны знака не являются взаимоисключающими, это не компоненты целого, а разные аспекты его рассмотрения.

Учитывая их тематику, все анекдоты можно противопоставить по признаку «абсурдность – реальность». Абсурдность, т.е. нелепость, несообразность, представляет собой признак особой ситуации, когда нечто противоречит здравому смыслу, всему жизненному опыту, логике, но при этом допускается как возможное либо имеет место в реальности. Всегда ли абсурдность смешна? На наш взгляд, в данном случае действует общий принцип смешного: смех вызывает только то, что незначительно выходит за рамки приемлемых ценностей. Абсурдность может быть полностью иррациональной, как на картинах сюрреалистов, и тогда она смеха не вызывает. Абсурдность может быть и трагичной. Специфика комичной абсурдности состоит в том, что некоторая ситуация выглядит совершенно нелепой, но при этом она не затра-

гивает смысложизненных ориентиров адресата. В данной работе абсурдность моделируется как оппозитивный признак, имеющий тройную проекцию: 1) **семантическая абсурдность**, когда предметам приписываются нелепые качества, 2) **прагматическая логическая абсурдность**, когда из предшествующего тезиса не выводится последующий, но при этом делается вид, что рассуждение ведется по правилам силлогизмов, 3) **прагматическая оценочная абсурдность**, когда некоторая ситуация в целом получает странную оценку, ставящую под сомнение принятые в обществе ценности.

Одним из возможных подходов к тематической классификации анекдотов является определение предмета замещения и характеристика типа замещения. Мы имеем в виду то обстоятельство, что юмор – это переворачивание определенных ценностей. Если высмеивается жадный человек, значит, проводится идея, что нельзя быть жадным; если предметом вышучивания является глупец, значит, можно сделать вывод, что следует вести себя умно, и т.д. Среди предметов осмеяния есть и табуируемые области. Если в анекдоте затрагивается нечто запретное, значит, этот запрет для представителей данной культуры актуален.

С позиций социолингвистики анекдоты могут быть противопоставлены по признаку статуса участников: детские и взрослые, женские и мужские анекдоты, анекдоты образованных и необразованных людей, анекдоты определенных социальных групп – студенческие, армейские, тюремные и т.д. Необходимо отметить, что в данном случае мы имеем в виду не тематику анекдотов, а характеристики тех, кто их рассказывает и слушает. Разумеется, многие анекдоты могут относиться к широкому классу универсального адресата, но есть и анекдоты, предназначенные для фиксированного слушателя. Применительно к статусному признаку возраста, пола и образованности можно выделить маркированный и немаркированный члены оппозиции. Маркированный тип выделяется, а немаркированный воспринимается как нейтральный. Так, мы говорим о детских анекдотах как маркированных, имея в виду, что остальные являются взрослыми, женских как маркированных и анекдотах образованных (культурных) людей как отме-

ченных особенными качествами на некотором нейтральном фоне. Из общей теории оппозиций известно, что маркированный признак должен быть более редким, чем немаркированный, именно поэтому маркированный признак заметен. Каковы специфические характеристики статусно маркированных анекдотов?

Детские анекдоты отражают в мифологической форме мир, воспринимаемый детьми, они часто строятся на основе сказок, в них действуют сказочные персонажи (либо герои популярных мультфильмов), для таких анекдотов характерно переведение юмора в розыгрыш или шутовство, они легко переходят в загадки, дразнилки и пустоговорки.

Социолингвистически релевантным является и противопоставление анекдотов по признаку типизированного возраста рассказчика. В этом смысле выделяются старческие анекдоты. Их специфика состоит в ироничной (чаще – самоироничной) оценке здоровья и душевного состояния человека.

По гендерному признаку мы выделяем женские анекдоты, имея в виду, что это – не анекдоты о женщинах (наоборот, это большей частью – анекдоты о мужчинах), а анекдоты, которые рассказываются женщинами и предназначены для них, т.е. анекдоты, которые в максимальной степени соответствуют общественному стереотипу женщины, женского поведения. Разумеется, этот стереотип достаточно условен и в значительной мере ограничен социальными признаками образования (иначе говоря, речь идет о воспитанных женщинах). Женские анекдоты отличаются тем, что они сосредоточены вокруг гендерных ценностей женщин: красота, молодость, искренние чувства, власть над мужчинами. Эти ценности подвергаются юмористическому переосмыслению, и поэтому высмеиваются такие явления, как тщетные попытки казаться красивее и моложе, претензии на высокие чувства, когда их нет на самом деле, попытки мужчин казаться хозяевами положения.

Если взрослые анекдоты, в отличие от детских, универсальны и затрагивают широкий круг вопросов, актуальных для взрослых людей – от быта до политики, то соотношение между женскими и мужскими анекдотами строится на другой основе: мужские анек-

доты сориентированы на определенный тип компании и соответственно на определенный круг ценностей.

Мужские анекдоты представляют собой шутки на рискованные темы, часто сводятся к грубым и вульгарным намекам, вместе с тем, на наш взгляд, существуют темы общения, в большей мере занимающие мужчин, нежели женщин, например, политика. Соответственно многие анекдоты на политическую тему можно отнести к мужским. Мужские анекдоты раскрывают мужское видение мира, именно в этих анекдотах можно столкнуться с глупым мужем и хитрым любовником (ясно, с кем себя ассоциирует рассказчик), со злой и сварливой женой, с извечным врагом – тещей.

Анекдоты образованных людей касаются тех сторон жизни и тех ценностей, которые значимы для соответствующих людей. Объектом осмеяния в анекдотах образованных людей оказываются недостаточно образованные люди. Иначе говоря, данный тип смешных текстов строится на обосновании тезиса о ценности знаний, полученных не в обыденной жизни, а в учебном заведении, из прецедентных текстов. Анекдоты «новых русских» и о «новых русских» демонстрируют их ущербность и уязвимость. Обычные человеческие радости ими нивелируются.

Модель анализа юмористического дискурса в целом строится на основании трех признаков: юмористическая интенция, юмористическая тональность и стереотипы юмористического поведения. Из этих трех признаков юмористическая интенция не связана с этнокультурной спецификой поведения, в то время как остальные признаки обнаруживают такую связь. Анекдоты могут классифицироваться: 1) по соотношению признаков шутовской, шутливой и полусерьезной тональности; 2) по соотношению признаков дружелюбного, располагающего, нерасполагающего и враждебного отношения; 3) по характеристике проблемной ситуации, лежащей в основе анекдота; 4) по отношению рассказчика и слушателя к главному персонажу анекдота; 5) по признаку «абсурдность» – «реальность»; 6) по типу замещения через юмористическое снятие табу; 7) по отношению к различным текстотипам, соотносимым с анекдотами; 8) по социальному типу участников дискурса, на которых рассчитан данный анекдот.

Итак, юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения, характерными признаками которой являются: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре. Типичным жанром юмористического дискурса выступает анекдот, который имеет специфическую внешнюю и внутреннюю структуру, тональность и интенционные характеристики.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
2. Вежбицкая, А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 99-111.
3. Шмелева, Т.В. Модель речевого акта // Жанры речи: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 68-79.
4. Dijk, T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, 1981; Blakemore D. Understanding Utterances. An Introduction to Pragmatics. Cambridge, 1993.

List of literature

1. Bahtin, M. M. *Jestetika slovesno-govornog tvorcestva*. M., 1986.
2. Vezhbickaja, A. *Rechevye zhanry // Zhanry rechi*. Saratov, 1997. P. 99-111.
3. Shmeleva, T. V. *Shmeleva T.V. Model' rechevogo akta // Zhanry rechi: Mezhevuz. sb. nauch. tr. Saratov, 1997. Vyp. 1. S. 68-79.*
4. Dijk, T. A. van. *Studies in the Pragmatics of Discourse*. The Hague, 1981; Blakemore D. *Understanding Utterances. An Introduction to Pragmatics*. Cambridge, 1993.

ЯЗЫК СМИ

КУЛЬТУРА ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Л. Б. Зубанова

В статье анализируется проблема репрезентации международных отношений в современной прессе, обобщаются результаты контент-анализа газет «Известия» и «Комсомольская правда». Культура толерантности представлена через анализ языковых конструкторов и ключевых слов позитивной или негативной смысловой нагрузки, характеризующих различные страны и их представителей.

Ключевые слова: толерантность, язык вражды, медиапространство, контент-анализ российской прессы.

Современный этап развития цивилизации можно назвать особенно насыщенным универсальными идеями. Человек впервые реально осознал, что он житель планеты и должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только как отдельная личность, как представитель рода, государства или их союзов, но и как житель Земли. Стремление к универсальному единству и – прямо противоположные характеристики современного общества: мозаичность, аморфность, национальная нетерпимость со всей очевидностью проявляются в области политических и культурных отношений. Особый интерес на сегодняшний день вызывают те ориентиры, которые могут стать реальными проводниками движения к будущему. Возрастает необходимость новой альтернативы развития, способной совместить в себе всю полиэтничность культуры, позволяющей вновь ощутить совместную идентичность, сформировать единый проект будущего. Идеология взаимотерпимости, внимания к историко-культурным, морально-этическим, религиозным проблемам наций способствует переносу акцентов общественного внимания с политико-экономических аспектов на культурные. Именно в современных условиях актуализируются

и обостряются проблемы **толерантности в международных отношениях**. В научной среде подобные вопросы поднимались неоднократно: изучение «культурных кругов», «цивилизаций» и «коалиций культуры», развитие процессов глобализации, характеристика особенностей «глобальной ойкумены», поворот идентичности в сторону национально-универсальных (общечеловеческих) построений – сохраняют свою актуальность на протяжении десятилетий.

Предметом рассмотрения данной статьи станет попытка определения установки на толерантное сознание в современном российском обществе (через контент-анализ средств массовой информации).

Термином контент-анализ (анализ содержания) в социологии обозначается методика выявления частоты появления в тексте определенных, интересующих исследователя характеристик. Эти характеристики фиксируются в точных, объективных и измеряемых показателях, давая количественную информацию о содержании текстового сообщения. Многообразие методологических подходов к анализу текстов может распределяться по степени формализации аналитических процедур: от неформализованного (понимающего, качественного анализа) до формализованного (количественного подсчета). Логика качественного анализа предполагает индуктивный подход, учет контекста, выделение смысловых фрагментов текста в зависимости от развития целей и направлений анализа. Тем не менее, контент-анализ является преимущественно количественной процедурой, подразумевающей систематическую числовую обработку, оценку и интерпретацию формы и содержания источника.

Тематический разброс возможностей применения метода анализа содержания разнообразен:

- изучение национальной, политической, профессиональной принадлежности действующих лиц в газетных материалах (Б. Берельсон, П. Сальтер, А. Шай);
- анализ биографий (Л. Левенталь);
- лингвопсихологическое осмысление речевой деятельности (Ч. Осгуд)
- методика социолингвистического исследования адекватности понимания текстовой информации (Б.А. Грушин) и др.

Наиболее известной теоретической работой, получившей ши-

рокую популярность в общественных кругах, стало исследование намерений редакции газеты «Истинный американец», принятое Г. Лассуэллом и Н. Лейтесом, послужившее главным аргументом обвинения газеты в профашистской ориентации. Исследование Лассуэлла открыло новые возможности применения контент-анализа как метода обнаружения неявных ценностных установок и пропагандистских целей коммуникатора.

Рассматривая данный пример в качестве ориентира, представим попытку прочтения современных российских установок в международных отношениях на примере отечественной прессы.

Обращение к анализу прессы носит неслучайный характер. Средства массовой информации представляются нам важнейшими организаторами культурного пространства социума. Восприятие и интерпретация различных явлений и событий в стране осуществляется через и с помощью СМИ.

Представим результаты контент-аналитического исследования статей связанных с внешней политикой России и оценкой стран дальнего зарубежья и их граждан, в двух ежедневных газетах: «Известия» и «Комсомольская правда». Оба издания с одной стороны имеют ряд сходных черт: популярность, устойчивость репутации; с другой – весьма отличаются формой и стилем подачи материала, а также ориентацией на целевую аудиторию. Выборка номеров осуществлялась в соответствии с методикой конструированной недели, разработанной Робертом Джоунсом и Роем Картером. Всего в ходе исследования было проанализировано 59 номеров. «Известия»: 29 номеров: - II полугодие 2001 г. – 17 номеров; I полугодие 2003 г. – 12 номеров. «Комсомольская правда»: 30 номеров: II полугодие 2001 г. – 17 номеров; I полугодие 2003 г. – 13 номеров

Анализ осуществлялся на основе **подсчета ключевых слов** позитивного или негативного характера.

По результатам контент-анализа количество отрицательных ключевых слов, отражающих явную или скрытую угрозу (опасность, война, оружие, враг, терроризм, шпионаж, противник, преступление и т.д.) во многом превышает употребление слов позитивной или нейтральной окраски, о чем свидетельствуют результаты исследования, приведенные в таблице 1.

Таблица 1.

Общие количественные характеристики проанализированных ключевых слов (в абсолютных числах)

Газета		Количество ключевых слов		
		Положительные	Отрицательные	Итого: общее количество ключевых слов
Вся совокупность данных		531	1514	2045
Известия	Общая совокупность	300	956	1256
	2001, II пол.	153	543	696
	2003, I пол.	147	413	560
Комсомольская правда	Общая совокупность	231	558	789
	2001, II пол.	147	371	581
	2003, I пол.	84	187	271

Вместе с тем, представленные данные демонстрируют скорее общую тенденцию фиксации угрозы, без четкого определения конкретного, осязаемого «образа врага». Для определения характера отношения, демонстрируемого в СМИ, к странам Запада и Востока, мы сложили проценты положительных и отрицательных ключевых слов, употребленных по отношению к ним. Результаты представлены в следующей таблице.

Таблица 2.

Суммы процентов по положительным и отрицательным ключевым словам

Суммы:	Категория стран	
	Запад	Восток
Сумма всех положительных процентов	17,18%	3,81%
Сумма всех отрицательных процентов	23,04	11,09

Формула Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток и им не сойтись никогда» зафиксировала тот факт, что данные культуры всегда представлялись в смысловой антиномии и являли собой явную противоположность почти во всех отношениях. На сегодняшний день в российской прессе (а, следовательно, и в общественном сознании, которое отображают СМИ) нет четко выраженного «архетипа врага», нет четкой ориентации на явную угрозу со стороны представленных категорий. Вместе с тем, на основе подсчета ключевых слов отрицательной смысловой нагрузки, все же именно Запад мыслится силой наступательно–агрессивного характера.

Итак, как можно заметить из приведенных данных, в современной прессе преобладают слова негативной смысловой нагрузки, вызывающие при восприятии информации отрицательный ассоциативный ряд. Естественно, международная обстановка в мире такова, что было бы странно характеризовать ее с использованием слов позитивной направленности. Совершенно очевидным представляется озвучивание войны, кровопролития, конфликта, разрушения, противостояния – всего того, что наличествует в реальности. Однако, функция информирования представляет собой не столько информацию о **происходящем событии**, сколько о **событийности происходящего** – выступает основой конструирования представлений о мире, образа мира, отличается определенной «избирательностью внимания» СМИ. Так в ходе анализа данных по прессе мы выявили два «пика» интереса к теме других стран: октябрь 2001 года (война США и Афганистана), февраль – март 2003 года (подготовка к войне США с Ираком и сама война). В это время наблюдалось резкое увеличение количества интересующих нас статей в номере, а также увеличение средней площади статей в номере за месяц (в октябре 2001 года количество статей, посвящённых международной тематике, в номере «Комсомольской правды» с обычных двух возросло до семи).

Абсолютный лидер интереса (как по положительным, так и по отрицательным высказываниям) во всех российских средствах массовой информации – США. Неоднозначный характер определения позиции России демонстрируется на примере высказываний лидеров мнений. Анализ локальной тематизации по критерию «глобальное ценностное самоопределение» демонстрирует три основные позиции по отношению к Америке:

1. Позиция вынужденной интеграции:

Можете любить американцев, можете не любить – но они сильные. Они номер один в мире. Можете любить Западную Европу, можете не любить, но мы с ними должны взаимодействовать, быть на одном поле. Не хотите – не надо. Будете вместе только с Индией, Пакистаном и арабскими странами. Нравится вам это? Но только у нас будет такая же жизнь, как там. В этом смысле нет альтернативы: западник или не западник? Для страны главное конкурентоспособность, что совершенно правильно тот же Путин говорит. А конкурентоспособность, она куется среди сильных, а не среди слабых.

(Анатолий Чубайс, АиФ.– №34, 2002 г.).

2. Позиция сдержанной конфронтации:

В Америке до сих пор доминирует образ России как империи зла. Особенно это видно по их фильмам. Русских почти всегда изображают тупорылыми, кровожадными людьми и бандитами. И хотя в последнее время таких картин явно поубавилось, нашу страну все равно побаиваются. И пусть! По-моему, боязнь – один из признаков уважения. На подсознательном уровне они чувствуют, что мы сильны, но не могут объяснить почему. Вот и навешивают россиянам непонятные ярлыки.

(Анна Курникова, АиФ.– №24, 2006 г.).

3. Позиция естественного взаимодействия:

Россия и Америка такие две большие страны, что они просто не могут быть врагами. Иначе перед миром встанет угроза уничтожения. Россия и Америка могут быть только друзьями.

(Борис Гребенщиков, Известия.– 4 апреля, 2005 г.).

Какая позиция окажется доминирующей в XXI веке и определит пути дальнейшего ценностного самоопределения, – покажет время. Так в крупномасштабном исследовании «Россия и Европа глазами россиян», проведенном в 2002 г., выявляются обобщенные характеристики общественного мнения о направлении и формах интеграции, ценностно-смыслового содержания образа Европы[□]. Среди смысловых ассоциаций Западной Европы наибольшее распространение получают слова, характеризующие, в целом позитивный образ инога: «права человека», «благополучие», «комфорт», «цивилизация», «дисциплина», «расцвет», «культура», «безопасность», «свобода», «демократия». Однако, несмотря на зафиксированные исследователями формы принятия «инога», ка-

тегория «мир вокруг нас», связывается с определенной тревожностью: так, согласно опросу 48% признали, что усиление России представляет угрозу для европейских стран, поэтому эти страны не заинтересованы в действительном подъеме страны.

Стремление к универсальному единству и – прямо противоположные характеристики современного общества: мозаичность, аморфность, со всей очевидностью проявляются в политике, экономике, культуре, социальных отношениях, обнаруживая подчас неразрешимые противоречия. И именно в этой ситуации ответственного выбора последующего исторического развития, особый интерес вызывают те ориентиры, которые могут стать реальными проводниками движения в наступившем XXI веке.

ЦИФРОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВОЗРАСТА В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

(один из аспектов интерпретации цифровых обозначений)

С. И. Симакова

В статье рассматриваются цифровые обозначения в контексте материалов региональной ежедневной газеты (на примере «Челябинского рабочего»), указывающие на высокую частотность разметки времени. В данной работе автор достаточно подробно останавливается на таком аспекте интерпретации цифровых обозначений как обозначение возраста.

Ключевые слова: цифровые обозначения, хронометраж событий, информационная картина, годовое измерение.

Исследуя цифровые обозначения на газетных полосах на примере 24 выпусков газеты «Челябинский рабочий» за 2007 год, мы обнаружили, что вся выборочная совокупность показывает превалирование цифровых обозначений времени. Несомненно, указание на время есть важнейшая задача газетного текста, а выражение «время – газетной строкой» давно стало крылатым.

Отметим, что к этому наиболее частотному перечислительно-му ряду мы относим все, что связано с разметкой времени: указание дат, периодов времени, возраста людей, годовщин и т. п.

Напомним также, что даты составляют большую часть обозначения времени на газетных страницах.

Второе «место» по частотности у обозначения возраста (человека, предприятия, явления).

месяц	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
кол-во	12	6	15	21	6	9	16	6	6	12	1	11	121

Данные таблицы говорят о том, что особой закономерности в обозначении возраста человека по месяцам мы не наблюдаем, однако здесь особенно значимым будет общее число таких включе-

ний (9,8 % от всех цифровых обозначений, 25,2 % внутри осевого кодирования «время»).

Среднестатистическое количество упоминаний возраста составляет 5 на один выпуск газеты. Рассмотрим основные случаи маркирования материала цифровым обозначением возраста.

Возраст выступает показателем и «меткой» расположения события на шкале времени, отмеренного именно этому конкретному человеку, как например, в публикации о самоубийстве курсанта: «В Челябинском высшем военном авиационном училище штурманов повесился 16-летний первокурсник... Через месяц, 24 февраля, ему исполнилось бы 17 лет» (1 фев.). В этом фрагменте время расчислено онтологически: здесь есть цифры, обозначающие фрагмент во времени, который не наступит никогда. 24 февраля неизбежно наступит, но мальчику уже не исполнится 17 лет. В данном случае два цифровых включения (16 и 17) обозначают границу между жизнью и смертью. Включение цифровых обозначений возрастов на газетной полосе задает особое напряжение сообщений. Так, в рассказе о суде над случайным другом-убийцей Олега Барабышкина (1 фев.) возраст погибшего (38 лет) и возраст убийцы (35) даны в оппозиции – один человек продолжает отсчитывать время, другой остался на черте 38 навсегда. Характерная строчка из песни В. Высоцкого «С меня при цифре 37 в момент слетает хмель» показывает значимость именно цифровых обозначений возраста, привязанности самого «изображения» возраста в цифрах к определенным зонам восприятия и настрою на сопереживание. Аналитически значимо и то, что корреспонденты газеты избегают в этом выпуске привычного указания года рождения (как делается в криминальной хронике). Обозначение года рождения ведет читателя к математической операции – исчислению возраста человека, о котором идет речь. Прямое обозначение возраста рассчитано на мгновенное помещение информации в нужный ассоциативный ряд (на шкале «дети – молодые – зрелые – старые»). Цифровое обозначение возраста имеет функцию привлечения эмпатии к тому, о чем повествуется в сообщении (неизбежно в читательском сознании возникают отсылки к собственному возрасту и возрасту самых близких людей, что приводит к эмпатическому переносу и делает восприятие сообщения личностным).

Указание на возраст может служить доказательством тезиса «конфликт поколений», как, например, в следующем сообщении: «30-летняя женщина возвращалась домой с маленьким ребенком. На лестничной площадке повздорила с 57-летней уборщицей. Как сообщили в управлении вневедомственной охраны при ГУВД области, все началось с претензий из-за выставленного из квартиры мешка мусора» (1 дек.). Здесь – несмотря на стремление журналиста занять позицию «отстраненного наблюдателя» – ситуация выглядит как столкновение представителей двух поколений, где у каждого «своя правда». Журналист избегает обозначений «жительница подъезда» повздорила с «уборщицей». Возраст для автора здесь имеет принципиальное значение.

Стоит отметить, что особенно часто возраст включается в текст при обозначении лиц преклонного возраста и маленьких детей. Это две категории людей, вызывающие наибольшее сочувствие своей беспомощностью в окружающем мире: «Во внутреннем дворе – груда угля. На ней – 6-летний Ваня, с лопаткой в руке и добродушной чумазой улыбкой». (15 дек.) Мальчик, играющий на груде угля во дворе, напоминает и автору, и читателю беспризорные времена разрухи, от которых, как стремится показать журналист в этом материале, мы ушли недалеко. Или другой пример: «Молодая женщина сбила на пешеходном переходе 83-летнего старика и осталась ненаказанной». (3 окт.) Эмоциональность этого высказывания образуется именно за счет оппозиции «молодая – 83-летний», где «молодость» выступает в качестве синонима таких понятий, как «бездуховность», «бессердечие», «наплевательское отношение к ближнему», а «старость» обозначена числом лет, внушающим уважение и вызывающим справедливое возмущение поступком молодой женщины. Но есть и иные способы использования возраста для создания определенной оценки сообщения. В другом примере возраст становится причиной осуждения: «В Симе в результате ночного пожара пришлось эвакуировать 21 жителя пятиэтажного дома. 65-летняя пенсионерка, злоупотреблявшая спиртным, погибла». (17 окт.) Как видим, здесь число лет помогает представить себе «не образумившуюся» и к этому солидному юбилею женщину-«алкашку» (эвфемизм «злоупотреблявшая спиртным») не смягчает впечатления).

Наибольшее число упоминаний возраста людей связано с трагическими событиями. Как и в примере с самоубийством курсанта, в таких случаях работает механизм придания сообщению онтологического напряжения: газета фиксирует «по горячим следам» те явления, которые принято называть «судьбой». Здесь не так важен сам возраст – и «расцвет лет» в сообщениях о трагических событиях становится таким же поводом для эмпатии, как возраст слишком юных или престарелых людей. Приведем следующие примеры: «В Златоусте в результате неосторожного обращения с огнем при курении в состоянии алкогольного опьянения погиб 27-летний челябинец» (3 окт.); «В поселке Варна водитель ВАЗ-21102 сбил насмерть велосипедиста. Как сообщили в пресс-службе ГИБДД области, 48-летний мужчина, двигавшийся по обочине в попутном направлении, от полученных травм скончался на месте ДТП. 31-летний водитель «десятки» был лишен водительского удостоверения на 55 месяцев за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии» (3 окт.); «22-летний водитель ВАЗ-21102 без водительского удостоверения не справился с управлением и на высокой скорости врезался в виадук под Свердловским проспектом. В итоге его пассажир 26 лет от полученных травм скончался на месте, а 21-летний спутник с закрытым переломом бедра доставлен в больницу» (17 окт.). Во всех этих и многих других примерах указание возраста обязательно для сообщения и заменяет «фамилию, имя, отчество», которые мало что скажут среднестатистическому читателю миллионного города. Как ни странно, именно возраст становится «достаточной» характеристикой в таком случае. Это говорит о том, что восприятие информации о конкретных людях и событиях их судьбы (не имеющей никакого отношения к читателю) становится лично окрашенным в том случае, когда читателю удастся сопоставить эту судьбу с кем-либо из своих знакомых (например, «надо же, младше моего» или «как наш Владимир, смотри-ка» и т. п.). Этот момент соотнесения и идентификации судеб тех, о ком написали, и собственного окружения используется в журналистике по большей части «неосознанно», на основе личного «ощущения» автора информации, что «так правильно». Во всяком случае,

в учебной литературе по психологии журналистики нам не встретились размышления и рекомендации по этому поводу.

Между тем обратим внимание и на такую функцию возрастных числовых включений, как «возраст достижений». Приведем конкретные примеры: «Любовь, собственное дело держали их на плаву. Только все равно в 37 лет этого мало» (15 дек.); «Последним клубом 29-летнего Новосельцева был хабаровский «Амур», 30-летнего Набокова – новосибирская «Сибирь»» (15 дек.); «А было ему к тому времени 30 с небольшим лет» (1 нояб.). В таком случае автор призывает читателя проникнуться самой динамикой роста своего героя. Здесь возраст, когда человек «взваливает» на себя ту или иную ношу, «работает» так же, как и в случае создания эмпатии к судьбе «чужого» человека.

Указание на возраст в виде цифрового обозначения становится важным стилистическим приемом. Выделение возраста маркирует интенцию высказывания (к чему хочет привлечь внимание автор) и становится иногда центром фразы: «Нам, что же, надо было начинать работать с 13 лет? И всем до лампочки, что нам приходилось, может быть, работать больше других. И вот у меня без учета учебы в вузе «наскреблось» 39 лет». (1 нояб.)

Таким образом, основная функция ежедневной газеты – хронометраж – выполняется многосоставно и неоднозначно, акцентируя внимания на определенных сторонах исчисления времени и «вписывая» сегодняшние события и «сегодняшнего» человека в общий круг Большого Времени¹.

Источники:

1. Челябинский рабочий. – 2007. – 1 февраля.
2. Челябинский рабочий. – 2007. – 3 октября.
3. Челябинский рабочий. – 2007. – 17 октября.
4. Челябинский рабочий. – 2007. – 1 ноября.
5. Челябинский рабочий. – 2007. – 1 декабря.
6. Челябинский рабочий. – 2007. – 15 декабря.

¹ Бахтин, М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 26-90

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М. : Худож. лит., 1986. С. 26–90.
2. Бондарчук, Н. Н. Число в журналистском тексте // Журналистика и медиаобразование-2008: сб. трудов III Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25–27 сентября 2008 г.) : в 2 т. Т. II / под ред. проф. М. Ю. Казак, проф. У. Перси, проф. А. В. Полонского, доц. Е. А. Кожемякина. Белгород : БелГУ, 2008.
3. Валгина, Н.С. Теория текста. М., 2004.

List of literature

1. Bahtin, M.M. **Problema sodержanija, materiala i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorcestve** // **Bahtin M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i**. M. : Hudozh. lit., 1986. P. 26–90.
2. **Bondarchuk, N. N. Chislo v zhurnalistskom tekste** // **Zhurnalistika i mediaobrazovanie-2008: sb. trudov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Belgorod, 25–27 sentjabrja 2008 g.)** : v 2 t. T. II / pod red. prof. M. Ju. Kazak, prof. U. Persi, prof. A. V. Polonskogo, doc. E. A. Kozhemjakina. Belgorod : BelGU, 2008.
3. Valgina, N. S. **Teorija teksta**. M., 2004.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

ДВУНАПРАВЛЕННЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСТОЯЩЕГО ПЕРФЕКТНОГО В ЭМОТИВНОМ СФЕ

В. В. Афанасьева

Статья посвящена функционированию настоящего перфектного в эмотивном СФЕ как основном конституэнте художественного текста, принадлежащего к эмотивному типу текста. Цель статьи – представить двунаправленный анализ функционирования формы настоящего перфектного в эмотивном СФЕ. Первое направление анализа (от эмотивного текста к настоящему перфектному) и второе направление (от настоящего перфектного к эмотивному тексту) раскрывают предметно-логический и эмотивный потенциал этой грамматической формы.

Ключевые слова: текст, эмотивный СФЕ, грамматическая форма.

Неоднозначность грамматической формы настоящего перфектного в английском языке всегда привлекала внимание лингвистов. Мы рассматриваем эту форму как многозначную, и именно многозначность является первопричиной поиска способов ее анализа в тексте.

Проведение анализа функционирования грамматической формы в художественном тексте представляется обоснованным в двух направлениях: от текста к форме и от формы к тексту. Художественный текст рассматривается нами как эмотивный тип текста, его основным конституэнтном является эмотивное СФЕ.

Представим практический анализ фрагмента художественного текста с высокой концентрацией перфектных форм. В первом направлении его основой станет стилистический анализ текста, целью которого является выявление эмотивов разных уровней языка и эмоциональной ситуации, а также, анализ настоящего

перфектного как многозначной формы, способной реализовать одно из четырех возможных значений (универсальное, экзистенциальное, результативное и значение недавнего прошлого). Во втором направлении нас будет интересовать причина употребления автором в условиях языковой избыточности именно формы настоящего перфектного. Эта причина, как показывает анализ, кроется в самом эмотивном тексте.

Направление анализа от эмотивного текста к содержательному потенциалу настоящего перфектного (предметно-логический аспект).

Обратимся к следующему отрывку, представляющему разговор супругов, которые после года разлуки из-за болезни мужа теперь живут в уединении в сельской местности (о чем говорит и название рассказа “The Country Love Story”):

The color rose feverishly to his cheeks and his breath was agitated. “You are trying to make me sick again. It was wonderful, wasn’t it, for you while I was gone?”

“Oh, no, no! Oh, no, Daniel, it was hell!”

“Then, by the same token, this must be heaven.” He smiled, the professor catching out a student in a fallacy.

“Heaven.” She said the word bitterly.

“Then why do you stay here?” he cried.

It was a cheap impasse, desolate, true, unfair. She did not answer him.

After a while he said, “I almost believe there’s something you haven’t told me.”

She began to cry at once, blubbing across the table at him. “You have said that before. What am I to say? What have I done?”

He looked at her, impervious to her tears, without mercy and yet without contempt. “I don’t know. But you’ve done something.”

Мы процитировали отрывок, больший, чем анализируемый СФЕ, чтобы лучше представить эмотивную окраску диалога. Фрагмент насыщен эмотивной лексикой, передающей отрицательные эмоции (раздражение, гнев, испуг, сомнение, растерянность): это и физиологическое проявление эмоций (*color rose to his cheeks; breath was agitated; she began to cry, blubbing*), и ан-

тонимия гиперболических *heaven/hell*, и контекстуальная антонимия *mercy/contempt*. Это и эпитеты *cheap, desolate, true, unfair* к существительному *impasse*, в окружении которых *true* меняет положительную коннотацию на отрицательную (оценочный компонент под влиянием контекста пересматривается). Чувства героини проявляются и в жестах, движениях: *She began to cry at once, blubbing across the table at him.*

Эмотивное содержание фрагмента обогащается синтаксисом фраз. “*Oh, no, no! Oh, no, Daniel, it was hell!*” – предложение сочетает восклицательную форму с анафорическим повтором междометия и отрицания. Что касается использования междометий в создании эмоциогенного эффекта, то отметим, что они продуцируют эмотивный элемент на все высказывание и существуют в языке как конвенциональные символы человеческих эмоций [1. С. 154]. Междометие *Oh* может передавать различные чувства, такие как сожаление, отчаяние, разочарование, печаль, скорбь и т.д., в то же время оно сигнализирует эмоциональное напряжение всего предложения. В нашем случае, употребляемое с многократным повтором отрицания, *Oh* - это свидетельство отчаяния и беспомощности героини. Поскольку предложения восклицательные, степень эмоциональности автоматически повышается (по сравнению с утвердительным) [2. С. 110].

Вносят свой вклад в повышение эмоционального воздействия высказывания параллельные вопросительные конструкции “*What am I to say? What have I done?*” и прием обособления в раздельном вопросе “*It was wonderful, wasn't it, for you while I was gone?*”. В предложении “*It was a cheap impasse, desolate, true, unfair*” мы наблюдаем тот же прием обособления в сочетании с синтаксической конвергенцией однородных определений, а отсутствие союза перед последним из них придает оттенок незавершенности, надрыва.

Рассказ носит название *The Country Love Story*. Отметим, что лексика эмоций, употребляемая в позиции заглавия, заражает своей тональностью весь текст. Это связано с тем, что заглавие содержит в сжатом, компрессированном виде информацию текста. Поэтому эмотивный смысл «любовь» интерпретирует опре-

деленным образом изображаемые события, а именно угасание любви к мужу (которое демонстрирует и процитированный отрывок) и отчаянное чувство к придуманному другу. Любовь как ключ к интерпретации произведения в определенном смысле ставит читателя в тупик, поскольку это рассказ об агонии физического и морального одиночества. «Заражению» одиночеством способствует широко используемый в рассказе прием пейзажа. Исходя из посыла автора об «истории любви», агония героини в рассматриваемом СФЕ воспринимается острее.

Мы сконцентрируемся на анализе СФЕ с перфектными формами, начинающегося со слов “After a while he said” и завершающегося с окончанием разговора. СФЕ насчитывает четыре перфектные формы. Перфект – грамматическая доминанта в речи персонажей. Проанализируем формы настоящего перфектного:

- *haven't told* – отрицательная форма придает статичность перфекту и мы признаем за ним экзистенциональное прочтение;

- *have said* – также несет экзистенциональное прочтение в сочетании с наречием *before*;

“*But you've done something*” – это приговор, который муж вынес жене. Он повторит его не раз, и это изменит всю жизнь героини. Она не может оправдаться, потому что ей не в чем оправдываться, и это приведет к тому, что она замкнется в себе, начнет разговаривать сама с собой и со своим воображаемым другом, который понимает и любит ее. Пропать, **которую создает обвинение мужа**, для героини преодолеть невозможно: “From that day onward...she nursed her wound, hugged it, repeated his awful words exactly as he had said them, reproduced the way his wasted lips had looked and his bright farsighted eyes... From every thought, she returned to her deep, bleeding injury”. Учитывая семантическую нагруженность перфектных форм в СФЕ (с помощью перфекта формулируется «обвинение», имеющее роковые последствия), мы признаем за *you've done something* результативное прочтение. Со стороны жены, поскольку она не виновата ни в чем, в вопросительном предложении *What have I done?* перфект имеет экзистенциональное прочтение. Вот так контекст одной форме дает разную семантическую нагрузку и разное прочтение перфектной форме при прочих равных условиях.

Итак, рассмотренный пример демонстрирует последовательность анализа в направлении от эмотивного текста к содержательному потенциалу настоящего перфектного: установив статус СФЕ как эмотивного (показав с использованием стилистического анализа и интерпретации текста эмотивы разных уровней), мы обращаемся к декодированию на уровне грамматики для того, чтобы выяснить замысел автора при употреблении формы настоящего перфектного именно в эмотивном контексте. Анализ формы настоящего перфектного в эмотивном СФЕ с точки зрения реализации ее предметно-логического потенциала основывается на алгоритме определения реализованного значения формы, не рассматриваемого в данной статье.

Возвращаясь к анализу СФЕ во втором направлении – от содержательного потенциала настоящего перфектного к эмотивному тексту (эмотивный аспект), – отметим, что СФЕ состоит из вопросно-ответных реплик диалога с отрицательной эмотивной окраской, где коммуниканты (супруги) находятся в состоянии межличностного конфликта. Диалог произносится в момент кризиса их отношений, когда необходимы «переговоры», чтобы наладить совместную жизнь. В данном случае обсуждается и осуждается поведение одного из супругов, который, в свою очередь, пытается оправдать себя. О решающей роли подобных «переговоров» в СФЕ говорит то, что герой обращается к миру фантазий, окончательно разочаровавшись в своём браке. Использование настоящего перфектного и в вопросных, и в ответных репликах показывает заинтересованность героев в сказанном. Использование настоящего перфектного в этих репликах подчеркивает особую важность, приписываемую информации коммуникантами: *What have I done? / But you've done something*. Сама форма настоящего перфектного в данном случае передает мысль, которая эмоционально окрашена.

По-сути, разработанный нами двунаправленный анализ нацелен на рассмотрение возможности перфекта в передаче эмоционально окрашенных мыслей в рамках эмотивного текста. Безусловно, в данных условиях демонстрация анализа не является полной, поскольку целью статьи является сам анализ. Его со-

ставляющими на первом этапе являются не представленные здесь и особенности многозначности перфекта, алгоритм определения реализованного значения настоящего перфектного, на втором – прагматические основания употребления перфектной формы коммуниантами.

Список литературы

1. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 459 с.
2. Брандес, М.П. Стилистика немецкого языка. М. : Высш. шк., 1983. 271 с.

List of literature

1. Gal'perin, I.R. Ocherki po stilistike anglijskogo jazyka. M. Izd-vo inostr. lit., 1958. 459 s.
2. Brandes, M.P. Stilistika nemekogo jazyka. M.: Vyssh. shk., 1983. 271 s.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. В. Выдрин

В статье анализируются основные тенденции развития современной науки и то, каким образом они влияют на научную коммуникацию. Среди основных тенденций рассматриваются новый тип научной рациональности и междисциплинарность.

Ключевые слова: язык науки, научная коммуникация, научная рациональность, междисциплинарность.

Проблемы, связанные с переводом, в первую очередь, принято рассматривать применительно к естественным языкам. Но такие же проблемы проявляются и при анализе языка науки. Традиционно языку науки приписываются такие черты как ясность, точность, понятность [1. С. 381-382], или он рассматривается сквозь призму принципов, выдвинутых Я.И. Линцбахом для философского языка (принцип сокращения, упрощения, непрерывности, прерывности, упорядочивания, приспособления) [3]. Но всегда ли язык науки соответствует этим принципам в полной мере или это своего рода идеальная модель, а сам язык науки намного сложнее?

В данном случае одним из наиболее приемлемых определений языка науки можно считать следующее: «язык науки – система искусственного и естественного языков, которая отличается по своей структуре, функциям, служит для выражения научных понятий, законов и явлений» [12. С. 8]. Такое сочетание, с одной стороны, способствует процессу научного познания (например, при использовании метафор обыденного языка), с другой стороны, создает некоторые трудности в процессе научной коммуникации. В данном контексте под научной коммуникацией понимается совокупность видов профессионального общения в научном сообществе [7. С. 281].

Если в классической науке, носившей строго дисциплинарный характер согласование языков (тезаурусов) ученых не вызывало

больших затруднений, то в современной науке ситуация принципиально иная. И эти изменения четко фиксируются и рефлексируются учеными и философами, исследующими науку.

В философии науки и науковедении на рубеже XX и XXI веков заметным стал поворот к лингвистике, к лингвистическим методам. В качестве объяснения этого феномена А.П. Огурцов приводит два довода. Во-первых, во взаимодействиях между учеными, в реализации научных инноваций громадную роль играет язык профессиональной коммуникации. Во-вторых, лингвистика – наиболее развитая гуманитарная дисциплина, широко используемая наряду с методами дескриптивизма и математические, и структуралистские, и сравнительно-исторические, и типологические методы. Наука видится им как «динамичное коммуникативное поле, в котором достигается консенсус между высокоспециализированными тезаурусами», а научное знание предстает как многоуровневая сеть взаимосвязанных символических концептуализаций, узлы которой существуют в актах научной коммуникации [9. С. 83-86].

Поэтому для исследования современной науки необходимым является семиотический анализ ее языка и процессов коммуникации, происходящих в научном сообществе. Этот анализ подразумевает анализ трех измерений: семантического, синтаксического и прагматического, что включает в себя: изучение научного сообщества как речевого сообщества со своим профессиональным тезаурусом, раскрытие научного дискурса как сети коммуникаций с их взаимоинтенциональностью и взаиморефлексией, выявление явных и латентных диалогических и риторических мотивов в научных текстах, свидетельствующих о взаимной полемике между учеными, о внутренней сопряженности научных текстов как с метафоричностью речи, так и с их направленностью на понимание другими [9. С. 104].

Среди тенденций развития современной науки, влияющих на характер научной коммуникации, можно выделить следующие.

Во-первых, появление нового типа научной рациональности, означает пересмотр роли ценностно-целевых факторов (как внутринаучных, так и внеаучных) в процессе познания.

Одной из самых распространенных классификаций исторических форм научной рациональности является подход В.С. Степина. Согласно ему в классической рациональности предполагалось, что субъект находится на некотором отдалении от объекта, что дает субъекту возможность говорить об отсутствии необходимости в объяснении и описании всего, что относится к самому субъекту и средствам его деятельности. Т.е. преобладающей ценностью являлось устранение всего субъективного, произвольного, случайного и действия по образцу в решении исследовательских задач.

Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности, анализ этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Хотя связи между научными и вненаучными ценностями так же остаются вне предмета научной рефлексии. Здесь ценностью выступает согласие вступающих во взаимодействие различных методов, стилей мышления, парадигм, активно использующих язык повседневного общения.

Только постнеклассическая рациональность учитывает соотнесенность знаний об объекте не только со средствами, но и ценностно-целевыми структурами деятельности, предполагая анализ внутринаучных ценностей и их соотнесение с социальными целями и ценностями [11. С. 633-636].

В качестве одной из причин данной трансформации можно указать следующую. В 1930-е гг. в развитых странах установка на экстенсивное использование человеческих сил утрачивала экономическую перспективу. Стали пересматриваться принципы научной организации труда. Важнейшей экономической задачей становится максимальная реализация личностного потенциала взаимодействующих индивидов. Это вынуждает ученых к пересмотру объектного образа человека и стандартов научной рациональности [2. С. 22].

Помимо пересмотра роли субъекта познания и влияния его установок на процесс познания новому типу рациональности свойственно иное отношение к объектам исследования. Это является следствием обращения исследовательского интереса к но-

вым классам объектов, т.е. расширением поля исследуемых объектов. Если в классической науке в качестве объекта исследования представляли в первую очередь простые, механические системы, то интерес постнеклассической науки прикован к т.н. «человеко-размерным системам» – системам, включающим человека и его деятельность в качестве составного компонента [8. С. 28].

В ситуации, когда новые формы научной рациональности не полностью сменяют предыдущие, а лишь дополняют их, необходимо согласование этих различных типов рациональности. Поэтому научная рациональность, сочетающая рациональности разного типа является коммуникативной рациональностью, т.е. зависящей от форм коммуникации и социальных взаимодействий в познании.

Формирование и усиление позиций нового типа рациональности с неизбежностью привел к росту количества и интенсивности взаимодействия между представителями разных научных дисциплин. Этот процесс является вторым фактором, влияющим на научную коммуникацию.

Если в период доминирования классической рациональности наука формируется и оформляется как дисциплинарная, то в рамках неклассической и постнеклассической рациональности активно развиваются междисциплинарные исследования. Складывается особый тип ученого, вписывающего конкретную проблему в обширный контекст многих наук (как естественных, так и социально-гуманитарных).

Отечественный философ Л.А. Микешина выделяет пять основных форм диалога и взаимодействия, реализуемых в познавательных практиках современными учеными. Первой формой является сходство и перенос языковых игр, стремление к универсальному языку, второй – перенос методов и принципов, операций, глобальных метафор, третьей – «сквозное» исследование различными областями знания базовой проблемы, четвертой – перенос парадигм или создание новой парадигмы на стыке наук, наконец, пятой формой является возникновение новых наук на основе взаимодействия и синтеза существующих [4. С. 285-295].

Сейчас все больше и больше говорится о значимости не дисциплинарного принципа при возникновении новых систем научно-

го знания, а проблемного принципа. А.И. Ракитов называет этот принцип синтагматическим (как противоположность понятию «парадигма»). Важнейшими чертами синтагматических систем знания являются: а) задачность; б) конструктивность; в) технологичность. Вкратце поясним каждую черту. *Задачность* означает, что задачи, которые ставятся перед наукой, требуют синтагматических знаний, различных по происхождению и содержанию, и эти задачи не могут решаться на монодисциплинарной основе. *Конструктивность* означает, что современная наука не ограничивается выполнением функций объяснения и предсказания, а переходит к конструированию и проектированию технологий, информационных систем и методов регулирования социальных процессов. Наконец, *технологичность* подразумевает четкую переплетенность высоких технологий и научных знаний [10. С. 24].

Т.о., вместо устремленности ученого в рамках классического способа рациональности на построение универсальной системной теории современное научное сообщество выдвигает на первый план проблемно ориентированные исследования. Эти исследования могут быть направлены как на решение задач значимых для общества, так и задач, важных с позиций внутренней логики развития науки. Вне зависимости от того, кто выступает в качестве «заказчика» научных исследований, эти исследования предполагают активное взаимодействие ученых разных специальностей «с разбиением общей проблемы на подпроблемы разного ранга, акцент на процедурах и методах их решения» [9. С. 82]. Ориентация на проблемные, а не тематические исследования отмечалась также отечественным философом науки С.Р. Микулинским [5. С. 367-368].

Очевидно, что проанализированные формы взаимодействия в науке, приводят к т.н. «вавилонским трудностям» [6. С. 133], т.е. к ситуации, когда наличие множества языков разных дисциплин, парадигм, подходов, методов создает препятствия для эффективного сотрудничества между ними и практически сводит на нет любые попытки создания универсального языка науки, в равной степени понятного не только любому представителю научного сообщества, но и любому обывателю. В такой ситуации выходом

является не построение универсального тезауруса, что было бы стремлением реализовать очередную утопию, а построение диалога между различными языками активно используемых для решения научных проблем.

Список литературы

1. Ивин, А. А. Словарь по логике М. : Туманит, ВЛАДОС, 1997. 384 с.
2. Кемеров, В. Е. Социальная обусловленность познания: динамика проблемы // Вопросы философии. 2008. №10. С. 20-32.
3. Линцбах, Я. И. Принципы философского языка: Опыт точного языкознания. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
4. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.
5. Микулинский, С.Р. Джеральд Холтон и его концепция тематического анализа // Холтон Дж. Тематический анализ науки. М. : Прогресс, 1981. С. 357-370.
6. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М. : Наука, 1979. 304 с.
7. Новая философская энциклопедия: В 4-х тт. Т. 2. М. : Мысль, 2001. 634 с.
8. Новая философская энциклопедия: В 4-х тт. Т. 3. М. : Мысль, 2001. 692 с.
9. Огурцов, А. П. Куда идет философия науки? // Актуальные проблемы философии науки / Отв. ред. Гирусов Э.В. М. : Прогресс-Традиция, 2007. С. 76-104.

List of literature

1. Ivin, A. A. Slovar' po logike M. : Tumanit, VLADOS, 1997. 384 s.
2. Kemerov, V. E. Social'naja обусловленnost' poznaniya: dinamika problemy // Voprosy filosofii. 2008. №10. S. 20-32.
3. Lincbah, Ja. I. Principy filosofskogo jazyka: Opyt tochnogo jazykoznanija. M. : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 248 s.
4. Mikeshina, L. A. Jepistemologija cennostej. M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2007. 439 s.
5. Mikulinskij, S. R. Dzheral'd Holton i ego koncepcija tematicheskogo analiza // Holton Dzh. Tematicheskij analiz nauki. M. : Progress, 1981. S. 357-370.
6. Nalimov, V. V. Verojatnostnaja model' jazyka. O sootnoshenii estestvennyh i iskusstvennyh jazykov. M. : Nauka, 1979. 304 s.
7. Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4-h tt. T. 2. M. : Mysl', 2001. 634 s.
8. Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4-h tt. T. 3. M. : Mysl', 2001. 692 s.
9. Ogurcov, A. P. Kuda idet filosofija nauki? // Aktual'nye problemy filosofii nauki / Otv. red. Girusov Je.V. M. : Progress-Tradicija, 2007. S. 76-104.

10. Ракитов, А. И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Наукovedческие исследования: сб. науч. тр. М., 2003. С. 6-31.
11. Степин, В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
12. Чепкасова, Е. В. Язык науки как предмет философского анализа: автореферат дис. ... кандидата философских наук. СПб., 2006. 22 с.
10. Rakitov, A. I. Novoj nauke – novoje naukovedenie (ot paradigmy k sintagme) // Naukovedcheskie issledovanija: sb. nauch. tr. M., 2003. S. 6-31.
11. Stepin, V. S. Teoreticheskoe znanie. M. : Progress-Tradicija, 2003. 744 s.
12. Chepkasova, E. V. Jazyk nauki kak predmet filosofskogo analiza: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskih nauk. SPb., 2006. 22 s.

**ЕДИНООБРАЗИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ
НОМИНАЦИИ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ АРЕАЛА РАСПРОСТРАНЕНИЯ**

А. А. Сидоров

Ставится проблема единообразия и дифференциации вариантов французского языка. Устанавливается, что развитие французского языка за пределами Франции сегодня наиболее актуально. На примере номинации зданий и сооружений, а также с учетом «центра и периферии» рассматривается единообразие и дифференциация языковой системы. Анализируется понятие региолект и перспективы его развития.

Ключевые слова: единообразие и дифференциация, варианты французского языка, номинация зданий и сооружений, центр и периферия, региолект.

В природе французского или любого другого языка можно наблюдать парадоксальное противоречие. Язык как некий код призван служить гарантом успешной коммуникации, его система должна стремиться к единообразию, объединяющему носителей данного языка. Однако использование одного языка даже в сравнительно близко расположенных к друг другу ареалах и собственно его эволюция провоцируют изменения в языковой системе на всех ее уровнях. Причем все языковые преобразования, в конце концов, осуществляются для совершенствования коммуникативных функций системы кода общения [Косериу. С. 5-6].

Подобная противоречивая эволюция характеризует французский язык. На протяжении многих веков он находится во власти двух противоположных тенденций: стремится и к единообразию, и к дифференциации. Французский язык, используемый во многих уголках земного шара, сложился как сложная вариативная система [Martinet. С. 18]. В результате подобного развития он представля-

ет собой сеть неоднородных территориальных вариантов с четко обозначенными областями центральных и периферийных зон. На сегодняшний день намечается явное ослабление тенденции французского языка к единообразию (происходит ослабление центра и укрепление периферийных зон). Исследователями-романистами все большее внимание уделяется специфике развития вариантов французского языка за пределами Франции, а именно – в Америке, Азии, Африке и Океании [Клоков. С. 104-106].

Основываясь на двух противоположных тенденциях развития вариантов французского языка в мире, обращают на себя внимание разнообразные языковые явления на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Так, на уровне лексики во французском языке небезынтересными представляются процессы номинации видов всевозможных зданий и сооружений в зависимости от их функциональных особенностей и ареала распространения каждой конкретной лексической единицы, а также причины столь длинного синонимично-номинативного ряда данной группы лексем и закономерности в выборе определенной единицы в той или иной речевой ситуации.

На территории некоторых регионов Франции (деп. Ду, деп. Верхняя Савойя, деп. Юра, деп. О-Юра, деп Савойя, деп. Турень, деп. Арденны, пров. Лотарингия, Франш-Конте, деп. Ардеш, деп. Эн, деп. Кот-д'Ор, деп Луара, деп. Верхняя Луара, деп Изер, р. Дофине, пров. Лангедок, деп. Велэ, деп. Кальвадос, деп. Манш) и Швейцарии зарегистрировано употребление следующих регионализмов, обозначающих всевозможные здания и сооружения: существительное мужского рода *boiton* – *свинарник*, существительное мужского рода *buron* – *хижина, домик*, существительное мужского рода *buret* – *помещение для содержания свиней*, существительное женского рода *cabane* – *хижина, укрытие*, существительное мужского рода *chalet* – *сыроварня, домик в горах*, существительное мужского рода *chalet d'alpage* – *домик в горах*, существительное женского рода *écurie* – *хлев стойло*, существительное женского рода *frutière* – *молочный завод, сыроварня*, существительное мужского рода *galetas* – *кладовая на*

чердаке, существительное мужского рода *tazot* – *домик в горах*, существительное мужского рода *raccard* – *крытое гумно, рига*, существительное женского рода *boucherie* – *место, где забивают свиней*. На территории Швейцарии и Бельгии известны примеры использования следующих регионализмов в значении «здание» или «сооружение»: существительное мужского рода *auditoire* – *аудитория*, существительное мужского рода *bloc* – *многоэтажное здание*, существительное мужского рода *gan* – *свинарник*. В странах Африки и в Канаде используются следующие интересующие нас лексические элементы французского языка: существительное мужского рода *zongo* – *приемная в резиденции вождя или знатного человека*, существительное женского рода *visonnière* – *ферма по разведению норок в Канаде*, существительное женского рода *villa* – *здание из современного строительного материала в африканских странах*, существительное мужского рода *ribat* – *оборонительное сооружение, укрепленный скит; место молитвы*, существительное мужского рода *qalaâ* – *древняя крепость*. Таким образом, учитывая лишь небольшое количество приведенных выше языковых элементов, составляющих лексико-семантическую группу (ЛСГ) «здания и сооружения» во французском языке в различных ареалах его распространения, уже можно сделать вывод о том, что многообразие лексических наименований рассматриваемой ЛСГ обусловлено как собственно широким распространением самих вариантов французского языка в мире, так и высокой «востребованностью» единиц данной ЛСГ с учетом множества оттенков значений.

В этой связи актуальной представляется концепция швейцарского исследователя П. Санжи, рассуждающего о территориальной вариативности языка через призму «центр - периферия». С одной стороны, центр притягивает периферийные области. В этом случае уместно утверждать о значительном влиянии и авторитете центральных зон. Периферия подражает или подчиняется центру. Однако самобытность носителей языка периферии способна провоцировать обратные процессы, а именно – снизить доминирование центра и породить более широкую вариативность языка [Singy. С. 11] В результате ЛСГ «здания и сооружения» во французском

языке будет неуклонно расширяться и обогащаться новыми языковыми элементами. Подобное обогащение могло бы вызвать определенные коммуникативные трудности даже в общении между носителями родного языка, в данном случае французского.

Сегодня активно идущие изменения во французском языке не способствуют стремлению системы к единообразию, что, безусловно, провоцирует уменьшение престижа центра и укрепление значимости отдельных периферийных зон французского языка в мире. В то же время реформы повлияли на отношения Франции со всем франкоязычным сообществом. В наше время Франция уделяет значительно больше внимания специфике развития французского языка за ее пределами [Клоков. С. 106].

На территории самой Франции сегодня складывается очень интересная ситуация относительно развития региолектов и функционирующих в их составе регионализмов (периферии относительно общепользуемого варианта языка, доступного каждому образованному франкофону). Региолект воспринимается как совокупность геолингвистических фактов, используемых в каждом уголке Франции или на территории проживания франкофонов [Tauillon. С. 291]. **Региолекты являют собой развивающиеся орудия общества, используемые даже высокообразованными людьми в обыденной речи. Они не имеют системной организации, разрознены и часто характеризуются прерывистым ареалом распространения, не обусловленным историческими границами [Гак. С. 64]. Региолекты входят в состав общенационального французского языка, обладая рядом особенностей на уровне фонетики, лексики, синтаксиса, просодии, поэтому регионализмы воспринимаются носителями языка как лексемы общенационального языка, закрепленные в определенном ареале. Они доступны и понятны широкому массам говорящих на данном языке. Процесс регионализации французского языка продолжается и «виной» тому соблюдение традиций, обычаев, особенностей местного фольклора и огромное уважение локальных этносов к собственной культуре и памяти предков. Кроме того, малочисленные народы, являясь неотъемлемой частью Французской Республики и всего французского народа (во Франции примером может служить ее погранич-**

ная территория с Испанией, где проживают баски), часто стремятся получить большую автономию. И здесь мы уже сталкиваемся с политическими причинами, благоприятно воздействующими на развитие местечковых особенностей языка, а, следовательно, – эволюцию региолектов.

Таким образом, широкая вариативность французского языка на территории Франции не является причиной формирования обособленных языковых систем с достаточным для этого набором признаков. Современные региолекты на территории метрополии нельзя отнести к самостоятельным структурным образованиям. Однако принципы единообразия, а главным образом, дифференциации территориальных вариантов французского языка четко прослеживаются на примере ЛСГ «здания и сооружения». Тенденцию к единообразию подтверждает совокупность значений лексем, формирующих собственно ЛСГ «здания и сооружения». Дифференциация отчетливо видна в многообразии оттенков наименования зданий и сооружений в зависимости от критериев функционирования, предназначения, размера, месторасположения и т.п.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Введение во французскую филологию. М., Просвещение, 1986. С. 64.
2. Клоков, В.Т. Французский язык в Швейцарии. Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. С. 104-106.
2. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история. М., 2001. С. 5-6.
3. Martinet, A. La prononciation du français contemporain. P., 1945. P.18.
4. Singy, P. L'image du français en Suisse romande. Une enquête sociolinguistique en Pays de Vaud. P., Montréal, 1996. С. 11.
6. Tauillon, G. Les régionalismes du français parlé à Vourey, village dauphinois. Grenoble, 1988. С. 291.

List of literature

1. Gak, V. G. Vvedenie vo francuzskuju filologiju. M., Prosvewenie, 1986. P. 64.
2. Klovov, V. T. Francuzskij jazyk v Shvejcarii. Saratov : Izdatel'skij centr «Nauka», 2009. P. 104-106.
3. Koseriu, Je. Sinhronija, diahronija i istorija. M., 2001. P. 5-6.
4. Martinet, A. La prononciation du français contemporain. P., 1945. P.18.
5. Singy, P. L'image du français en Suisse romande. Une enquête sociolinguistique en Pays de Vaud. P., Montréal, 1996. P. 11.
6. Tauillon, G. Les régionalismes du français parlé à Vourey, village dauphinois. Grenoble, 1988. P. 291.

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ «СОМЕ»**

Т. Н. Федуленкова, А. В. Воскресенская

*Статья посвящена выявлению и описанию трех наиболее характерных для английского языка структурных моделей фразеологизмов с компонентом *somе*. Высокая глагольная и препозитивная вариантность, с одной стороны, и развитая полисемия изучаемых ФЕ, с другой стороны, свидетельствуют о том, что данные фразеологические единицы не принадлежат к высокому уровню абстракции и их внутренняя форма демонстрирует транспарентность.*

Ключевые слова: фразеологические единицы, грамматические формы, вариативность, абстракция, внутренняя форма.

Объектом нашего исследования являются глагольные фразеологические единицы со структурно ведущим компонентом *somе*. Выбор названного объекта продиктован тем, что данный глагол является одним из наиболее частотных глаголов движения в современном английском языке. Лингвисту интересно проследить, какие грамматические структуры наиболее часто формирует этот глагол в рамках фразеологии и каким структурно-семантическим изменениям они подвергаются, что весьма важно в сопоставительно-типологическом плане [1. С. 190; 2. С. 27].

В качестве научной базы исследования избираем фразеологическую теорию профессора А.В. Кунина и предложенный им метод фразеологической идентификации [4. С. 37], а также метод описания фразеологических единиц [5. С. 43], эффективность которых была неоднократно подтверждена работами многих ученых-языковедов в нашей стране и за рубежом [3. С. 9; 7. С. 135-136; 9. С. 29; 11. С. 2]. Научным основанием для структурно-грамматического анализа указанных фразеологических единиц послужили работы лингвистов школы В.Д. Аракина, посвященные грамматическому структурированию словосочетаний [8. С. 233; 10. С. 54].

Анализ структурной организации глагольных фразеологических единиц с компонентом *come* позволяет обнаружить следующие наиболее распространенные в современном английском языке грамматические модели изучаемых фразеологических единиц:

1. Грамматическая модель **V + Prep + N**.

Рассматриваемая модель характерна для глагольных фразеологических единиц с константной и чаще константно-вариантной зависимостью компонентов, характеризующихся как полным, так и частичным переосмыслением компонентного состава. Константная зависимость компонентов встречается у немногих фразеологизмов с частичной трансформацией компонентов: *come into play* – начать действовать, *come into leaf* – покрываться листвой, распускаться; *come into force* – вступать в силу; *come into focus* – становиться ясным, понятным, например:

The picture of industrial development is coming into focus now, thanks to your work on the enquiry board (R. Courtney, “Phrasal Verbs”).

Отметим, что **вариантность фразеологизмов [6. С. 175] в рамках данной грамматической модели весьма развита и разнообразна по характеру**: *come in sight / come into sight* – появиться, показаться; *come in season / come into season / be in season* – быть спелым, созревать (о фруктах), быть вполне пригодным для еды; *come into action / go into action / move into action* – приступить к действиям, вступить в борьбу; *come into being / come into existence* – возникнуть, появиться; *come into operation / go into operation* – начать действовать, начать применяться, вступать в силу; *come into effect / go into effect* – вступить в силу и др.

Фразеологические единицы, структурная организация которых описывается посредством данной грамматической модели, способны к развитию полисемии: *come to terms* – 1) пойти на уступки, договориться, прийти к соглашению, 2) примириться с чем-либо, привыкнуть к чему-либо; *come to grief* – 1) плохо кончить, попасть в беду, хлебнуть горя, прогореть, обанкротиться, вылететь в трубу, 2) испортиться, выйти из строя, попасть в аварию, потерпеть аварию, искалечиться, разбиться; *come to hand(s)*

– 1) прийти, быть полученным, 2) повернуться под руку; сравним, например:

Your letter of the 16th has come to hand, and I am passing your request to the chairman (R. Courtney, “Phrasal Verbs”).

... men described and named new birds, when such came to hand. (E. Seton-Tompson, “Lobo: the King of Currumpaw and Other Stories”).

I would use a pencil if one came to hand readily. (R. Courtney, “Phrasal Verbs”).

Структурная простота синтагмы и прозрачность образа позволяют фразеологизмам рассматриваемой грамматической модели развиваться до пяти значений, как, например, в случае с фразеологизмом *come to pieces* (см. статьи *Англо-русского фразеологического словаря* А.В. Кунина).

Во всех фразеологических единицах рассматриваемой модели глагольный компонент *come* служит для обозначения перехода в иное состояние или к иному действию, называемому вторым компонентом, косвенно, посредством метафоры. Благодаря прозрачности внутренней формы и моделированности грамматической структуры, перечисленные фразеологизмы принадлежат к фразеоматическому слою языка, т.е. могут быть классифицированы как фразеологические сочетания.

2. Грамматическая модель **V + Prep + d + N**.

Рассматриваемая модель характерна для глагольных фразеологических единиц с константной и с константно-вариантной зависимостью компонентов, характеризующихся как полным, так и частичным переосмыслением компонентного состава. Константная зависимость компонентов характерна для следующих фразеологизмов с полной и частичной трансформацией компонентного состава: *come on the carpet* – появляться; *come to the boil* – накаляться, обостряться; *come to the top* – отличиться, добиться успеха, славы; *come to the front* – выйти, выдвинуться на передний план, обратить на себя внимание, занять ведущее место, бросаться в глаза, например:

... the political commentators, while agreeing that he was coming to the front, gave diametrically different reasons why he should do so. (C.P. Snow, “Corridors of Power”).

Фразеологические единицы данной модели демонстрируют варьирование лишь глагольных и предложных компонентов: *come into the open / come out into the open* – становиться очевидным, известным, выявляться; *come to the hammer / go under the hammer* – продаваться с аукциона, пойти с молотка; *come under the yoke / pass under the yoke* – сдаться на милость победителя, признать свое поражение; *come across the footlights / carry across the footlights* – иметь успех, понравиться публике; *come to the lure / alight on [the] lure* – попасться на чью-либо удочку и др.

Для небольшой части фразеологизмов данной грамматической модели характерна двузначность семантической структуры: *come to the point* – 1) дойти до сути дела, до главного, 2) назреть, накалиться, приблизиться к решающему моменту, клониться к развязке; *come to the fore* – 1) выдвинуться, занять видное положение, 2) пробудиться, проснуться, всплыть; *come to a head* – 1) нарываться, созреть, 2) назреть, достичь высшей точки, апогея, резко обостриться; сравним, например:

It's a boil, you know. There's nothing to do but wait for them to come to a head. (A. Wilson, "A Bit off the Map and Other Stories").

The economic crisis of 1929 dealt Brazil a heavy blow and greatly intensified the mass discontent. Strikes multiplied. The ferment came to a head in 1930. (W.Foster, "Outline Political History of the Americas").

3. Грамматическая модель **V + Prep + 0's + N**.

Рассматриваемая модель характерна для глагольных фразеологических единиц с константно-переменной и с константно-вариантно-переменной зависимостью компонентов, которые характеризуются как полной, так и частичной семантической трансформацией. Константно-переменная зависимость компонентов характерна для немногих фразеологизмов с частичным переосмыслением компонентного состава: *come to one's senses* – прийти в себя; *come into somebody's hands* – попасть в чьи-либо руки; *come to somebody's knowledge* – сделаться известным, стать известным кому-либо, дойти до чьего-либо сведения; *come into somebody's life* – войти в чью-либо жизнь, например:

Vickie, my dear, I don't believe a lonely man has ever had the extreme good fortune to see such a charming person come into his life. (E. Caldwell, "This Very Earth").

Многие фразеологические единицы данной модели склонно к различного вида вариативности: *come in somebody's way / fall in somebody's way / lie in somebody's way / come somebody's way* – попадаться, встречаться кому-либо; *come into one's head / enter one's head* – приходиться кому-либо в голову; *come to somebody's notice / come into notice* – обращать на себя чье-либо внимание, привлечь к себе внимание; *come to somebody's ear / come to somebody's ears* – дойти до чьих-либо ушей, стать известным кому-либо; *come into one's mind / come to one's mind* – прийти кому-либо в голову, на ум, сравним, например:

*His son and daughter frequently **came into his mind**.* (E. Caldwell, "A Lamp for Nightfall").

*He judged by the wondering look on her face that this was the first hint of natural science that had ever **come to her mind**.* (U. Sinclair, "Oil!").

Некоторые фразеологизмы в рамках рассматриваемой модели могут развивать второе значение: *come to somebody's hand(s)* – 1) прийти, быть полученным, 2) подвернуться под руку; *come into one's own* – 1) вступать в свои права, получить обратно то, что принадлежало по праву, 2) занять подобающее место, добиться признания, успеха, взять свое; сравним, например:

*Everywhere the people would **come into their own**, and war and tyranny would vanish like a hateful nightmare!* (U. Sinclair, "Jimmie Higgins").

*Mother **has come into her own** since the children left home, and is making a new life for herself* (R. Courtney, "Phrasal Verbs").

Предпринятый структурный анализ английских глагольных фразеологизмов с компонентом *come* позволяет утверждать, что наибольшей фразеологической активностью данный глагол обладает в следующих грамматических моделях: V + Prep + N; V + Prep + d + N; V + Prep + θ's + N.

Высокая глагольная и препозитивная вариантность, с одной стороны, и развитая полисемия изучаемых фразеологических единиц, с другой стороны, свидетельствуют о том, что данные фразеологические единицы не принадлежат к высокому уровню абстракции и их внутренняя форма демонстрирует транспарентность.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л. : Просвещение, 1979.
2. Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): автореф. дис. ...д-ра филол. наук в форме науч. докл. Москва, 1983.
3. Воронина А. З. Глагольные фраземы в аспекте номинации (на материале фразеологических единиц типа «глагол + существительное» в современном английском языке): дис. ...канд. филол. наук. Москва, 1979.
4. Кунин А.В. Английская фразеология: Теор. курс. Москва : Высш. шк., 1970.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высш. шк., Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996.
6. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. Москва: «Международ. отношения», 1972.
7. Сидякова Н. М. О вкладе В. Д. Аракина в изучение фразеологии // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики. Москва: МПГУ, 1998. С. 135-136.
8. Федуленикова Т. Н. Грамматическое структурирование фразеологических единиц (на материале соматической фразеологии современного англ., нем. и швед. языков): XIV

List of literature

1. Arakin, V. D. **Sravnitel'naja tipologija** anglijskogo i russkogo jazykov. L. : Prosvewenie, 1979.
2. Arakin, V. D. **Strukturnaja tipologija** russkogo i nekotoryh germanskikh jazykov (edinicy sopostavitel'notipologicheskogo analiza jazykov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk v forme nauch. dokl. Moskva, 1983.
3. Voronina, A. Z. **Glagol'nye frazemy** v aspekte nominacii (na materiale frazeologicheskikh edinic tipa «glagol + suwestvitel'noe» v sovremennom anglijskom jazyke): dis. ...kand. filol. nauk. Moskva, 1979.
4. Kunin, A. V. **Anglijskaja frazeologija**: Teor. kurs. Moskva : Vyssh. shk., 1970.
5. Kunin, A. V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka. Moskva : Vyssh. shk., Dubna: Izd. Centr «Feniks», 1996.
6. Kunin, A. V. **Frazeologija sovremennogo anglijskogo jazyka**: Opyt sistematizirovannogo opisanija. Moskva : «Mezhdunarod. otnoshenija», 1972.
7. Sidjakova, N. M. O vklade V.D. Arakina v izuchenie frazeologii // Aktual'nye problemy semantiki, lingvisticheskoi tipologii i lingvodidaktiki. Moskva : MPGU, 1998. S. 135-136.
8. Fedulenkova, T. N. Grammaticheskoe **strukturirovanie frazeologicheskikh edinic (na materiale somaticheskoi frazeologii sovremennogo angl., nem. i shved. jazykov)**: XIV

- Международные Ломоносовские чтения: Сб. науч. тр. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2002. С. 233-246.
9. Федуленкова Т. Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): дис. ...д-ра филол. наук. Северодвинск, 2006.
10. Федуленкова Т. Н. Проблема общего и специфического в соматической фразеологии некоторых германских языков (на матер. англ., нем. и швед. яз.): дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
11. Хостай И. С. Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 1997.
- Mezhdunarodnye Lomonosovskie chtenija : Sb. nauch. tr. Arhangel'sk: Pomorskij gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2002. P. 233-246.
9. Fedulenkova, T. N. Izomorfizm i **allomorfizm v germanskoj frazeologii** (na materiale anglijskogo, nemeckogo i shvedskogo jazykov): dis. ...d-ra filol. nauk. Severodvinsk, 2006.
10. Fedulenkova, T. N. Problema obwego i **specificheskogo v somaticheskoj frazeologii nekotoryh germanskih jazykov** (na mater. angl., nem. i shved. jaz.): dis. ...kand. filol. nauk. M., 1984.
11. Hostaj, I. S. Sistemno-funkcional'nye **harakteristiki frazeologicheskikh edinic biblejskogo proishozhdenija v anglijskom jazyke**: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk. M. : Mosk. gos. lingv. un-t., 1997.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ВЛИЯНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

О. Л. Дигина

В последние годы привлекает к себе внимание исследовательская парадигма движения научно-культурной мысли о языке и культуре - лингвокультурология. Она возникла на «пересечении» ряда смежных наук (культурологии, лингвострановедения, этнолингвистики, социолингвистики) и имеет свою специфику, свой аспект изучения проблемы «язык и культура».

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, обучение иностранному языку.

Лингвокультурология рассматривается как комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления, это система норм и общечеловеческих ценностей [1. С. 36]. Согласуясь принципиально с лингвострановедением как системой руководящих принципов решения общеобразовательных и гуманистических задач, лингвокультурология вместе с тем характеризуется рядом специфических признаков, что следует из теоретического анализа: лингвокультурология - научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру и филологию, а не аспект преподавания, как лингвострановедение. Вопросы преподавания языка оказываются здесь производными; основным объектом является взаимосвязь культуры и языка в процессе его

функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия. Главные проблемы – методологические (философские) и филологические; предмет исследования – материальная и духовная культура, созданная человечеством, артефакты, выраженные в языке, всё, что составляет «языковую картину мира»; лингвокультурология ориентируется на новую систему культурных ценностей, выдвинутую новым мышлением, современной жизнью общества, на полную, объективную информацию о культурной жизни страны.

Единицей описания при данном подходе является лингвокультурема – особая единица, включающая сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком. В отличие от слова лингвокультурема представляет собой как собственно языковое представление, так и неразрывно связанную с ним «внеязыковую, культурную среду» (ситуацию, реалию) - устойчивую сеть ассоциаций. Поэтому слово-сигнал неизбежно будит в человеке, знающем язык, не только значение (как намёк), но и всю совокупность «культурного ореола». Незнание же «культурного ореола» слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания текста как отражения культурного феномена [1. С. 48].

Исследование систем лингвокультурологических единиц проводится методом лингвокультурологического поля – это иерархическая структура множества лингвокультурем, обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определённую культурную сферу. Метод поля реализуется в методическом плане через рассмотрение сквозных культурологических тем. Сквозная культурологическая тема – это однотемный по содержанию учебный материал проблемного характера, относящийся к какой-либо из важнейших сфер человеческой действительности, который постоянно присутствует в языковом учебном процессе, исполняет в нём организующую функцию, имеет иерархическое строение и обладает высокой языковой, коммуникативной и культурологической ценностью. Темы образуют содержательную преемствен-

ность, которая обеспечивает реализацию концентризма обучения языку. Концентризм реализуется в лингвокультурологической проработке всех этапов обучения с обязательным учётом трёх критериев: культурно-языкового, теоретического и ознакомительного.

В лингвокультурологическом подходе «аккультурация» происходит при помощи «окультуривания» языковых единиц, что ведет студентов в направлении от значения «угадывания» к знанию и включению знака-предмета в сеть культурных ассоциаций, свойственных той или иной нации. Таким образом, видно, что при данном подходе, где культура включается как объект обучения, представление материала строится по принципу «от культурной единицы», а не от языковой единицы.

При использовании лингвокультурологического поля акцент делается на отражение в языке некоторого репрезентативного блока национальной культуры, устанавливая иерархические предметные связи между понятиями внутри этого блока и между блоками. Таким образом, студенты получают возможность сформировать наиболее полную инофонную картину мира. Формирование же блоков, по нашему мнению, должно проходить в обучении с помощью специально отобранных текстов, содержащих так называемые фреймовые пресуппозиции, рассматриваемые И.И. Халеевой в качестве необходимого условия формирования когнитивного сознания вторичной языковой личности. Фреймовые пресуппозиции выделяются как предварительно накопленные знания. Отсутствие сформированности национально-культурно окрашенной сети фреймов делает неадекватным, а порой и невозможным понимание иноязычных текстов. «Фон знаний» при восприятии текстов потенциальной вторичной языковой личностью должен создаваться специальной, целенаправленной системой учебных задач.

Способность к межкультурной коммуникации является результатом формирования у студентов вторичного когнитивного сознания посредством овладения иностранным языком, что, по нашему мнению, может быть достигнуто через лингвокультурологическое изучение достаточно репрезентативных фрагментов

культуры. Таким образом, при лингвокультурологическом подходе культура становится объектом познания, что отвечает психологическим особенностям процесса изучения иностранного языка в гуманитарном вузе, когда язык перестает осознаваться как объект познания и сам становится средством получения новой информации об окружающем мире.

Как было отмечено выше в лингвокультурологическом подходе акцент делается на отражение в языке достаточно репрезентативного «куска» национальной культуры в связи с комментируемыми культурными единицами анализируемых текстов. Таким образом, целесообразно представлять социокультурную информацию, заключённую в единицах языка или просто связанную с обсуждаемой проблемой, в систематизированном виде, блоками, организованной темой. Выбор фрагмента культуры, сферы общения определяет содержание курса. И.А. Халеева предлагает выделить четыре основные макросферы общения, где человек осмысливает через сознание и язык реально существующие в мире отношения и, соответственно, четыре макросферы использования языка: сфера производственной деятельности - специальная речь; сфера быта - разговорная (обиходная) речь; сфера культурологии - художественная и научная речь; сфера социальной деятельности - публицистическая речь (включая газетную, публичную, телевизионную речь, а также речь других средств массовой коммуникации) [2. С. 230].

Для осуществления лингвокультурологического исследования избранной проблемы в качестве основной единицы обучения нами принимается лингвокультурема как комплексная единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания. В отличие от слова и лексико-семантического варианта как собственно языковых единиц лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком. Как видно, структура лингвокультуремы оказывается более сложной, чем собственно языковых единиц. К обычным составляющим (знак-значение) здесь при-

бавляется культурно-понятийный компонент как внеязыковое содержание лингвокультуры. Языковой знак, как один из составляющих лингвокультуры, то есть её форма, сигнализирует не только её «поверхностное», собственно языковое значение, но и «глубинное» содержание (смысл) как факт (элемент) культуры. Лингвокультура может быть представлена одним словом, словосочетанием или же целым текстом (отрывком из него), широко известным носителям языка. Поскольку лингвокультурологический подход включает культуру как объект обучения иностранному языку, то представление материала и должно строиться по принципу «от культурной единицы» (лингвокультуры), а не от языковой единицы. При таком подходе акцент делается не на точечную регистрацию определённой культурной информации, извлекаемой из определённой языковой единицы, а на отражение в языке некоторого достаточно репрезентативного блока национальной культуры в связи с комментируемыми языковыми (речевыми) единицами разбираемого текста. Изучение определённого фрагмента культуры методом «от лингвокультуры» происходит с помощью построения лингвокультурологического поля, понимаемого как иерархическая структура множества лингвокультур, обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующим определённую культурную сферу. Преимущество полевого подхода к изучению объектов в области культуры вытекает из общей природы поля как синтезирующей единицы. Благодаря этому, явления внешнего мира упорядочены в понятийной системе так, что незаметно никаких пробелов. Для целей обучения иностранному языку и культуре в систему поля должны входить минимально-достаточные, но необходимые лингвокультуры, которые и характеризуют отличие двух культур.

В структуру лингвокультурологического поля входит ядро (имя), охватывающее основные группы лингвокультур, которые условно можно назвать субполями и сделать предметом особого, более частного полевого исследования, и группы реалем, служащие конкретной реализацией семантики поля.

Выбор фрагмента культуры для изучения, как и отбор культурологических знаний вообще – сложная и не вполне решённая в

методике задача. Мы придерживаемся основных критериев отбора содержания социокультурного компонента, выдвинутых И.А. Черкасс и Ю.И. Черниковой и адаптированных нами [3]:

1) Критерий культурологической и страноведческой ценности, способствующий формированию основ лингвострановедческой (лингвокультурологической) компетенции студентов.

2) Критерий типичности. В процессе обучения должны рассматриваться те элементы культуры, которые имеют наиболее распространённый, общий характер.

3) Критерий современности и общеизвестности фоновых страноведческих знаний в среде носителей языка.

4) Требование привлечения родной культуры и чёткой дифференциации с ней для предупреждения языковой и лингвострановедческой интерференции, а также в целях развития взаимопонимания между носителями двух культур.

5) Тематический критерий предполагает отбор фоновых страноведческих знаний в соответствии с тематикой, предусмотренной программой. К сожалению, программа не даёт чёткого перечня тем для изучения, поэтому преподаватели сами определяют темы, исходя из их личных представлений о наиболее актуальных и важных социальных и политических проблемах изучаемого общества. В задачи нашего курса входит определение наиболее современных проблем и явлений, широко обсуждаемых в средствах массовой информации и соприкасающихся с наиболее важными сферами жизни изучаемого общества, их изучение и критическое осмысление студентами.

6) Критерий функциональности подразумевает необходимость активного использования лексических единиц с национально-культурной семантикой, фоновых знаний, норм речевого этикета в процессе общения на иностранном языке.

Теоретический анализ литературы позволил определить лингвокультурологический подход как один из наиболее эффективных подходов, нацеленных на формирование и совершенствование навыков и умений осуществления межкультурного общения путём изучения иностранного языка как феномена культуры. Способность к межкультурной коммуникации является результатом

формирования у студентов вторичного когнитивного сознания посредством овладения иностранным языком, что, по нашему мнению, может быть достигнуто через лингвокультурологическое исследование достаточно репрезентативных фрагментов культуры. При таком подходе наряду с языком культура составляет основное содержание обучения. Лингвокультурологический подход даёт возможность уйти от упрощённого фактологического, фрагментарного подхода к ознакомлению обучаемых с определёнными аспектами культуры и позволяет студентам сформировать достаточно полную картину иноязычной действительности посредством исследования как языкового, так и внеязыкового содержания избранных для изучения культурных сфер.

Список литературы

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. М. : Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
2. Халеева, И. И. основы теоретического обучения пониманию иноязычной речи. М. : Высшая школа, 1999. 238 с.
3. Черкасс, И. А. Критерий отбора содержания социокультурного компонента в преподавании иностранных языков. // Россия и Запад: Диалог культур: материалы 2-ой международной конференции 28-30 ноября 1995. М., 1996. С. 229-235.

List of literature

1. Vorob'ev, V.V. Lingvokul'turologija (**teorija i metody**): **Monografija**. M. : Izd-vo RUDN, 1997. 331 s.
2. Haleeva, I.I. **osnovy teoreticheskogo obuchenija ponimaniju inojazychnoj rechi**. M. : Vysshaja shkola, 1999. 238 s.
3. Cherkass, I.A., Chernikova, Ju.N. Kriterij otbora sodержanija sociokul'turnogo **komponenta v prepodavanii inostrannyh jazykov**. // **Rossija i Zapad: Dialog kul'tur: materialy 2-oj mezhdunarodnoj konferencii 28-30 nojabrja 1995**. M., 1996. S. 229-235

ЭТИКА И ЭТИКЕТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Е. А. Ларина

В статье рассматривается происхождение этики и этикета, говорится о том, что нынешние студенты не умеют налаживать контакты с представителями других культур, поэтому необходимо формировать новые требования к преподаванию языка.

Ключевые слова: этика, этикет, этикетное поведение, иностранные языки.

После длительного подъема последних десятилетий, который называли “золотым веком мировой экономики”, грянул первый глубокий кризис эпохи глобализации. Своеобразие кризиса, на наш взгляд, состоит в его комплексном характере. В мире, где все меньшее значение имеют границы, кризис не щадит никого. А скорость, с которой хаос распространяется, не оставляет сомнений в том, что в ближайшее время он во все большей степени будет охватывать весь мир. Поэтому мы считаем, что теперь актуально уделять внимание вопросам, связанным с духовной стороной жизни общества, и, в частности, в преподавании иностранных языков, следует сделать акцент на этику и этикетное поведение.

Современный мир требует от современного человека специфических навыков поведения и общения, когда он оказывается в определенных ситуациях. Следовательно, повышается интерес к этикету и этике.

Слова «этикет» и «этика» воспринимаются как близкие по значению. И это естественно. К такому восприятию подталкивает не только сходство самих слов, но и теснейшая связь этих понятий. Однако на самом деле эти слова сблизились сравнительно поздно.

Как термин и особая систематизированная дисциплина этика восходит к Аристотелю. Он говорил об этике в трех смыслах: как

об этической теории, этических книгах, этической практике. По Аристотелю предметную область этики составляет определенный класс индивидуальных качеств, соотносенных с определенными привычными формами общественного поведения [1. С. 573].

Необходимо отметить, что слово «этика» исторически происходит от древнегреческого слова «*ēthos*», которое означало совместное жилище и правила, порожденные совместным общежитием. «Этос – совместное жилище (Илиада), обычай, темперамент, характер. Этимология термина «этика» показывает, что предметом исследования данной науки является практическое поведение людей, нормы, обеспечивающие условия сплочения общества, преодоление зоологического индивидуализма и агрессивности. Но по мере развития общества к этому первоначальному смыслу, конечно, добавляется много нового. Люди пытаются осмыслить такие проявления нравственной жизни, как мучение совести, сострадание, стремление к утверждению собственного достоинства, дружба, жертва собой ради другого и т.д.» [4. С. 16].

Таким образом, этика (*ēthica* от *ēthos* - обычай, нрав, характер) - это совокупность принципов и норм поведения, принятых в данной эпохе и в данной социальной среде. Этика учит оценивать всякую ситуацию так, чтобы сделать возможными этически (нравственно) правильные поступки. Данная категория исследует, что в жизни и мире обладает ценностью, ибо этическое поведение состоит в реализации, осуществлении этических ценностей.

Несмотря на простоту и доступность основных этических законов, навряд ли сегодня в мире найдется человек, овладевший этой наукой в совершенстве, т.е. научившийся жить, не совершая социальные ошибки. Поэтому этика, в отличие от наук более узкого применения – наука, необходимая любому человеку.

Что касается этикета, то французское слово *étiquette* имеет два значения: 1) «ярлык», «этикетка», «надпись» и 2) «церемониал», то есть порядок проведения определенной церемонии. Ещё в начале XX в. слово «этикет» могло обозначать в русском языке «ярлык, наклеиваемый на бутылки и обёртки товаров с обозначением названия фирмы, торговца и производителя», однако закрепилось с этим значением всё же слово «этикетка». Само понятие «эти-

кет» обособилось сравнительно недавно. Обычно под этикетом понимается «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращений и приветствий, поведение в общественных местах, манеры, одежда)» [2. С. 4-5].

Нормы этикета носят согласительный характер, они как бы предполагают соглашение о том, что считать принятым в поведении людей, а что - не принятым. В связи с этим наблюдается необычайная пестрота правил этикета у различных народов, определяемая особыми условиями их исторического развития. Действительно, этикет есть форма общественного контроля за поведением каждого человека, и нарушение этикета вызывает те или иные санкции. Они могут быть различными: начиная от осуждающего изумления и кончая штрафом за нарушение общественного порядка.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что этикет – это культурное поведение индивида в обществе, которое помогает ему устанавливать контакты с другими людьми, общаться и создавать стойкие взаимоотношения. При чем, культурное поведение должно быть всеобщим и придерживаться его должны не отдельные личности, а все общество в целом. В каждой стране народ вносит свои исправления и дополнения в этикет, что предопределенно социальной, политической, общественной жизнью и спецификой исторического развития страны, происхождением, традициями и обычаями народа.

Следует отметить, что в «Концепции модернизации Российского образования» и Законе Российской Федерации «Об образовании» подчеркивается, что необходимо содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми и народами, вне зависимости от их расовой, этнической, культурной и религиозной принадлежности, способствовать формированию общечеловеческих качеств личности будущего специалиста на основе усвоения универсальных ценностей мировой культуры.

А в реальности мы сталкиваемся с тем, что нынешние студенты, живя в условиях открытого общества, имея широкий спектр возможностей общения с представителями других культур, зача-

стую, игнорируют соблюдение нравственных норм, правил и требований, отвечающих за успешность коммуникации в межкультурном аспекте. Об этом свидетельствует недостаточная широта взглядов будущих специалистов, предвзятость в оценках, неосведомленность в сфере бытового общения, неумение адаптироваться к новым условиям общения, неспособность проанализировать или даже осознать наличие непонимания, связанного с различием культур.

Однако известно, что современный мир требует от современного человека специфических навыков поведения и общения, когда он оказывается в определенных ситуациях. Поэтому человек должен вести такую жизнь, которая требует налаживать контакты с людьми, говорящими на иных языках, имеющие различные культуры. Все это формирует новые требования к поведению и внешнему виду, языку. В связи с этим, мы считаем, что в образовании, и в частности, в преподавании иностранных языков следует уделять особое внимание этике и этикетному поведению.

Список литературы

1. Апресян, Р.Г. Этика. Энциклопедический словарь. М. : Гардарики, 2001. 671 с.
2. Байбурун, А.К. У истоков этикета. Этнографические очерки. Ленинград : «Наука», 1990. 164с.
3. Буланова-Топоркова, М. В. Педагогика и психология высшей школы: Учебное пособие. Ростов н/Д: «Феникс», 2002. 544 с.
4. Разин, А. В. Этика: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. М. : Академический проспект, 2006. 624 с.
5. Симонова, С. Актуальность духовного // Высшее образование. 2008. № 7. С. 130-135.
6. Солоницына, А.А. Профессиональная этика и этикет. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. 200 с.

List of literature

1. Apresjan, R. G. Jetika. Jenciklopedicheskij slovar'. M. : Gardariki, 2001. 671 s.
2. Bajburin, A. K. U istokov jetiketa. Jetnograficheskie ocherki. Leningrad : «Nauka», 1990. 164 s.
3. Bulanova-Toporkova, M. V. Pedagogika i psihologija vysshej shkoly: Uchebnoe posobie. Rostov n/D : «Feniks», 2002. 544 s.
4. Razin, A. V. Jetika: Uchebnik dlja vuzov. 3-e izd., pererab. M. : Akademicheskij prospekt, 2006. 624 s.
5. Simonova, S. Aktual'nost' duhovnogo // Vysshee obrazovanie. 2008. № 7. S. 130-135.
6. Solonicyna, A.A. Professional'naja jetika i jetiket.. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2005. 200 s.

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАНОВЕДЧЕСКОГО АСПЕКТА
НА УРОКАХ И ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

О. А. Малетина

Эта статья посвящена проблеме реализации страноведческого аспекта в школе. Изучать культурные особенности необходимо, поскольку ученики будут нуждаться в этом знании в своей исследовательской деятельности и на работе. Если учителя хотят сделать этот предмет более интересным, то они должны будут использовать свой творческий потенциал и воображение, потому что такая деятельность предоставляет ученикам захватывающую информацию о различных странах. Уроки и внеучебная деятельность помогают ученикам получить новую информацию и сравнить ее с информацией об их собственной стране. Мы думаем, что такие уроки помогают развить патриотизм среди учеников.

Ключевые слова: страноведение, межкультурное общение.

Изменение социально-экономических и политических условий, а также образовательной политики государства, расширение культурных, профессионально-деловых связей нашей страны с другими странами соответственно требуют пересмотра целей, содержания и технологий обучения иностранному языку как средству межкультурного общения в школе. Поэтому в настоящее время предъявляются высокие требования к квалифицированному обучению школьников, особенно к обучению культурно-страноведческому компоненту.

Учитель иностранного языка должен обладать определенной суммой знаний о стране изучаемого языка и уметь формировать умения по объяснению исторических, бытовых, географических и других реалий (обозначение предметов или явлений; характерных для одной культуры и отсутствующих в другой), встречающихся в текстах.

В процессе обучения школьников иностранному языку культурно-страноведческая компетенция формируется при ис-

пользовании аутентичных материалов: текстов, видеофильмов, аудиоматериалов, фотографий, рисунков, иллюстраций, включающих информацию об экономике, политике, культуре, истории и географии страны, о стиле жизни, традициях, обычаях и о менталитете народа страны изучаемого языка. Аутентичные материалы позволяют рассмотреть типичные стороны жизни носителей языка и сопоставить культуру страны изучаемого языка с родной.

Обучение страноведческому аспекту – это ознакомление учащихся с иностранной действительностью и культурой через посредство языка, в процессе его преподавания. Страноведение включает фоновые знания, которые присутствуют в сознании носителей данного языка и служат исходной основой для акта коммуникации: вербальные и невербальные знаки (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

Большой энциклопедический словарь дает следующее определение: страноведение – это географическая дисциплина, занимающаяся комплексным изучением стран; систематизирующая и обобщающая данные об их природе, населении, хозяйстве, культуре и социальной организации (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/usakov/1044694>).

Страноведение представляет собой совокупность знаний о стране изучаемого языка, и наличие таких знаний обеспечивает определённый уровень навыков и умений использования в целях общения национально-культурного компонента языка, речевого этикета и невербальных средств общения (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

В рамках международного сотрудничества школы реализуют программы обмена школьников и учителей, поэтому наблюдается необходимость выделять курс страноведения в самостоятельный предмет, который:

- способствует развитию мировосприятия и культуроведческому обогащению;
- помогает глубоко понять и оценить культуру родной страны при сопоставлении ее с культурой страны изучаемого языка;
- готовит школьников к восприятию культуры другого народа и к участию в международном общении.

Страноведение помогает учащимся старших классов углубить их знания по лингвистике, истории, географии, экономике, общественно-политической жизни, культуре страны изучаемого языка.

Подобный курс должен быть рассчитан на учащихся, которые уже владеют умениями и навыками устной и письменной иностранной речи, чтения и перевода в объёме в соответствии с программой средней школы.

Практическая цель страноведения заключается в формировании умения извлекать, анализировать и интерпретировать лингвострановедческую информацию; в овладении всеми видами речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) на более высоком уровне, что способствует успешной сдаче единого государственного экзамена, предусмотренного российской программой.

Программа обучения страноведению не потребует большой домашней подготовки, если в основном предполагается прослушивание магнитных записей и дисков, выполнение творческих письменных заданий с привлечением дополнительной литературы, а также заучивание наизусть стихотворений.

В календарно-тематический план обычно включаются следующие темы (<http://school-70.nios.ru/civilisation.htm>):

- 1) климат, растительность, географическое расположение;
- 2) население, быт, традиции, праздники;
- 3) культура;
- 4) транспорт, средства массовой информации;
- 5) внешнеэкономические связи.

Организация уроков обобщающего межтемного повторения предполагает такие виды работ – ролевая дискуссия, круглый стол, коллоквиум, подготовка статей в газету, устное изложение, сочинение, реферат на заданную тему. Следует отметить, что иногда изучение культуры сводится к анализу фоновых знаний о географическом положении страны, населении, крупных городах, достопримечательностях, а фактам культуры, влияющим и обуславливающим коммуникацию (нормы и ценности), не уделяется достаточного внимания. Поэтому представляется целесообраз-

ным, на занятиях по практике языка обращать внимание школьников на факторы, оказывающие влияние на коммуникативное поведение носителей языка, то есть ученик должен научиться правильно интерпретировать речевую деятельность иноязычного коммуниканта, освоить нормы и ритуалы общения (Соловьева).

Для формирования страноведческой мотивации можно установить переписку и обмен фотографиями со сверстниками из страны изучаемого языка, организовать поездку в страну изучаемого языка (внеурочная деятельность). Школьник, как и любой человек, испытывает необходимость видеть смысл в том, что делает, а страноведение позволяет использовать получаемые знания на практике в реальной жизни. Насыщение курса интересной и значимой для данного возраста лингвистической и страноведческой информацией должно быть обязательно связано с различными видами деятельности, типичными для учащихся данного возраста.

Основным методом обучения страноведению считается метод на коммуникативной основе, который предусматривает обучение общению в устной и письменных формах в рамках определенной тематики с учетом сфер общения характерных для жизни школьника – учебно-трудовой, общественной, культурно-массовой и бытовой.

В первую очередь очень важно с самого начала обучения постоянно общаться на изучаемом языке, а при обучении монологической и диалогической речи опираться на уже сформированные умения в иностранном языке и обучать школьников описывать, рассказывать, рассуждать и доказывать.

По окончании курса учащиеся должны уметь пользоваться изученным материалом в различных ситуациях общения для выражения собственных мыслей, уметь получать необходимую информацию из разнообразных источников.

Так, во время прослушивания фонозаписей (связное высказывание, диалог; текстовые фрагменты из радио-видеофильма) внимание учащихся должно быть направлено на осмысление предмета высказывания и сообщения, определение его логической структуры: выделение заданной информации и составление

плана. Следует отметить, что развивать навыки аудирования необходимо одновременно с работой по чтению вслух и активизацией языкового материала. Учитель должен сконцентрировать внимание на следующих формах письменного и устного общения: письмо личного характера, заполнение анкет, бланков, выполнение реферата, выступление, сочинение, презентация.

Такой подход к обучению способствует развитию таких качеств школьника, как инициативность, самостоятельность, уверенность в себе, открытость, гибкость, что означает умение работать индивидуально и в коллективе, психологическая раскованность, готовность к сотрудничеству, устойчивый интерес к предмету, познавательная активность и любознательность.

Процесс обучения страноведению как предмету имеет свои следующие особенности:

1) объект изучения – это средство обучения и средство получения информации;

2) овладение иностранным языком наиболее продуктивно осуществляется в процессе речевой коммуникации.

3) преподаватель иностранного языка (в данном случае страноведения) является основным источником информации о социокультурной ситуации в стране изучаемого языка.

Ученики старших классов могут овладеть системами предметных и отвлеченных понятий, а также делать обобщения, поэтому им необходимы теоретические сведения, чтобы анализировать явления. Страноведческие сведения предоставляются учителем или ученики получают их во время самостоятельной работы со справочниками, словарями или аутентичными текстами. На данном этапе необходимо развивать навыки самостоятельной работы, чтобы ученики впоследствии, став специалистами, могли совершенствоваться в обучении языку. Навыки самостоятельной работы развиваются при подготовке выступлений на любую страноведческую тему.

В школе при обучении страноведению можно применять *исследовательский проект*, так как данный тип проекта логичен и четко структурирован, и совпадает с подлинно научным исследованием, что является актуальным в практике обучения школьников. В проекте представляются ситуации для выявления основной и

промежуточных проблем, вопросы для дискуссии, тематика для организации самостоятельного поиска дополнительной информации, ее структурирования и организации.

Проектная работа состоит из следующих этапов:

1. Определение проблемы предполагаемого проекта, его типа, задач, количества участников.

2. Выдвижение и обсуждение гипотез решения основной проблемы (подпроблем), исследование которых может способствовать решению основной проблемы в рамках намеченной тематики. Гипотезы (подпроблемы) выдвигаются студентами с подачи преподавателя (наводящие вопросы, ситуации, способствующие определению гипотез, видеоряд с той же целью).

3. Распределение задач по группам, обсуждение возможных методов исследования обозначенных гипотез, поиска информации, творческих решений.

4. Самостоятельная работа участников проекта по своим индивидуальным или групповым исследовательским, творческим задачам.

5. Промежуточные обсуждения полученных данных в группах (на уроках или на занятиях в групповой работе в библиотеке, интернете).

6. Защита проектов, оппонирование.

7. Коллективное обсуждение, экспертиза, результаты внешней оценки, выводы (<http://www.distant.ioso.ru/library/publication/Sol.htm>).

В процессе обучения страноведению учитель опирается на уровень уже сформированной языковой и коммуникативной компетенции, а сам процесс обучения способствует развитию соответствующих умений.

Страноведческие материалы должны быть аутентичными, а также содержать информацию о существующих в действительности людях и реальных ситуациях, что побуждает школьников соответственно высказываться на реальные темы.

Проектная методика позволяет формировать у школьников следующие навыки: поиск, отбор, систематизация и анализ информации, работа с первоисточниками, оформление и публичная

презентация проектов. Данная методика развивает учебные умения, так как при подготовке к уроку школьники учатся использовать разнообразные источники информации: справочники, газеты, журналы, учебную и художественную литературу, Интернет.

Проектная методика способствует развитию умения работать самостоятельно с высоким уровнем эффективности усвоения изучаемых материалов и речевых навыков.

Школьники применяют полученные ранее знания иностранного языка при обучении страноведению, поэтому исправление лингвистических ошибок должно проходить деликатно, чтобы не нарушить работу мысли. Исправление ошибок рекомендуется проводить после выступления школьника, акцентируя особое внимание на них, напоминая правильный вариант.

Когда учеников вовлекают в обсуждение сложных ситуаций, возникающих в стране, реальных проблем политики, возможные пути решения этих проблем, воспринимаются школьниками вполне серьезно. Если процесс обсуждения увлекает учеников поиском доказательств своей точки зрения и аргументов, то язык превращается в средство выражения этих мыслей. Проекты могут выполняться парами или группами, что способствует развитию сотрудничества при совместной работе. Роль учителя различна в зависимости от задачи на каждом этапе урока (носитель информации, наблюдатель или консультант).

Учитель должен вести себя достаточно гибко: вести и поддерживать студентов, но не доминировать, навязывая свою точку зрения. Преподаватель вмешивается активно в учебный процесс:

- при введении нового языкового материала;
- во время объяснения задания;
- когда он дает задание на рецепцию (текст для чтения или аудирования);
- когда он оценивает слушателей и объявляет результаты.

Реальная альтернатива лекционной форме обучения страноведению – это использование проектного исследования и других видов деятельности, основанных на коммуникативном подходе.

Проектная методика способствует не только получению знаний, но и воспитывает активную жизненную позицию.

Во время проведения дебатов и конкурса презентаций должны соблюдаться следующие правила:

- необходимо слушать внимательно других: от оппонента можно получить много интересной информации;
- следует стараться понять доводы оппонента, прежде чем опровергать их;
- не перебивать, когда говорит другой (<http://www.distant.ioso.ru/library/publication/Sol.htm>).

В результате старшеклассники будут проявлять живой и неподдельный интерес к английскому языку, Великобритании и Америке, выступать с различными докладами на школьных конференциях. Мы полагаем, что информация о странах изучаемого языка способствует развитию патриотизма и позволяет получить информацию не только об обычаях и традициях зарубежных стран, но при правильном подходе и организации учебной и внеучебной деятельности развивает у школьников чувство уважения к нашему государству, его политическому строю и культуре.

АННОТАЦИИ

Afanasyeva V. V. A Two-Way Analysis of the Present Perfect Tense in Emotive Supra-Phrasal Unit

The article is about the functioning of Present Perfect in the emotive SPU. SPU is considered the main constituent of emotive text – the type which all the texts of literary style belong to. The article aims at presenting a two-way analysis of the Present Perfect Tense in emotive SPU. The first direction of the analysis (from emotive text to Present Perfect) and the second direction (from Present Perfect to emotive text) reveal the potential (including its emotive side) of the Present Perfect tense as a form conveying several meanings.

Key words: text, emotive SPU, grammar form.

Davletkulova L. N. Types of hydronames in the Chelyabinsk region

The article covers the types of hydronyms in Chelyabinsk Region. Both Russian and Turk names of water bodies are classified into 8 groups which are bounded by thematic signs and the time of their formation. Each group belongs to one object-conceptual sphere. The detailed distribution of hydronyms is discussed in this article. The classification of water bodies is based on the differentiation of quantitative and qualitative characteristics of objects.

Key words: hydronym, names, the Chelyabinsk area.

Digina O. L. Influence of linguistic cultural approach to the formation of cross-cultural communication in the foreign language teaching

Research paradigm of scientific and cultural thought movement about the language and culture attracts the attention during last years. It is linguistic culturology which appeared on the edge of a number of disciplines (culturology, linguistic country studies, ethnolinguistics, social linguistics) and has its specific, aspect of research of the problem “language and culture”

Key words: linguistic culturology, linguistic country studies, cross-cultural communication, foreign language teaching

Fedulenkova T.N., Voskresenskaya A.V. Structural and semantic peculiarities of English phraseological units with the component “come”

The paper deals with the study of the most frequent structural patterns of English phraseological units with the component come. Their high degree of verbal and prepositional variability testifies to the fact that the phraseological units under study do not belong to the highest degree of abstraction and their inner form is transparent.

Key words: Phraseological units, grammatical patterns, variability, abstraction, inner form

Ikonnikova V. A. Role of orthodox culture in formation of juridical terminology (on the example of the term “justice of the peace”)

The article reports a study of the legal culture typical of Southern States of the USA and its influence on the formation of legal terminologies. The investigation is illustrated by the example of the term “justice of the peace”. The author studies the etymology of the term and the history of the legal concept conveyed by it comparing legal cultures of England, the USA and Russia. The analysis reveals how terms accumulate legal culture being “verbalized knowledge”.

Key words: legal culture, heuristic and accumulative function of the term, basic legal values.

Kochetova L. A. Semantic strategies of representations of goods category in advertisement discourse) diachronical approach)

Semantic strategies of product representation in advertising have been considered in diachronic perspective. The semantic structure with a product/service as a theme is prototypical for advertising throughout its history and performs identifying and persuasive functions. Major changes in the employment of language means with reference to the semantic category of product/service and their pragmatic effects are discussed.

Key words: semantic strategy, semantic category, thematic structure, persuasion.

Lavrova N. A. Contaminated Words in the Child's Speech as Generalization of Lexical and Grammar and Logical Language Rules

The article is devoted to the consideration of contaminated words in children's speech. It is demonstrated that occasional contaminated words in children's speech are not necessarily indicative of creative thinking, on the contrary – it is a sign of the attempt to generalize the existing lexico-grammatical laws of the language and to apply once learnt models and patterns to the formation of new words.

Key words: contamination, morphemic splinter, analogy, generalization.

Larina E. A. Ethics and Etiquette Behavior in the Teaching of Foreign Languages

The origin of ethics and etiquette is considered in this article. Our students don't know how to forge relationships with others cultures, therefore it is necessary to form new requirements for the teaching of foreign languages.

Key words: ethics, eriquette, etiquette behaviour, foreign languages

Maletina O. A. Realization of County Studies Aspect at the Lessons and at Extra-curricular Activity

This article is devoted to the problem of cultural awareness at school. It is necessary to teach pupils cultural peculiarities, because they will need this knowledge at their studies and at work. If teachers want to do this subject more interesting, they will need to use their creativity and imagination, because such activity provides pupils with fascinating information about different countries. They can prepare interesting presentations to learn something new about countries, customs and traditions. But to our mind, the most interesting is to prepare projects working in teams, this activity teaches to work together, to respect other opinions and to work as a part of a team. Lessons and extra-curricular activity help pupils to learn new information and compare it with the information about their own country. We think that such lessons help to develop patriotism among pupils.

Key words: regional geography, intercultural dialogue.

Morozova A. M. Specifics of Humor Discourse: Genre of Anecdote

The article is devoted to the research of specifics of humor discourse as a special type of communication applied to the genre of anecdote

Key words: humor discourse, anecdote, humor speech genre

Ratnikov K. V. The Attitude to Foreign Educational Voyage in Russian Literature and Pedagogics in XVIII – XIX Centuries: Opinions of D. I. Fonvizin, N. P. Nickolev and A. A. Prockopovich-Antiosky

This article is devoted to the analysis of main reasons of negative opinions about foreign educational voyage, which were expressed by prominent Russian representatives of literature and pedagogics in XVIII – XIX centuries.

Key words: literature, pedagogics, educational travel, foreign teachers

Sidorov A. A. Uniformity and differentiation of territorial invariants of the French language on the example of notions of buildings and constructions depending on the area of spreading

The problem of French language variants' uniformity and differentiation is represented. We determine that nowadays French language development beyond the borders of France is the most important. Basing on building and construction types denomination and taking into account «centre and periphery» uniformity and differentiation of the language system is considered. The notion of regional language and its perspectives are analysed.

Key words: Uniformity and differentiation, French language variants, building and construction types denomination, centre and periphery, regional language.

Simakova S. I. Figure marks of age in the newspaper text (one of the aspects of interpretation of digital marks)

The article discusses figure marks in the context of material of regional daily newspaper (on the example of “Chelyabinsky rabochy”),

pointing to the high frequency of time marks. The author quite thoroughly analyses such an aspect of interpretation of figure marks as age definition.

Key words: figure marks, time measuring of events, informational picture, year measuring

Sokolova M. V. Etimological analyses of proper names in the context of a fantasy book

The article regards the functioning of proper names used to present the characters in a fantasy; views the etymological analyses of proper names, their functioning in text composition. The article also considers text and proper name interaction.

Key words: Proper name, onomastics, etymological analyses, fantasy.

Vydrin O. V. Difficulties of translation in contemporary scientific communication

This article analyses modern science's central tendencies and the way they influence the scientific communication. New type of scientific rationality and interdisciplinary approach are considered among central tendencies.

Key words: language of science, scientific communication, scientific rationalization, inter-disciplinarity

Zubanova L. B. Culture of tolerance in sociological dimension: problems of speech representation in contemporary mass media

The article analyses the problem of representation of international relations in contemporary press, sums up the results of content-analyses of newspapers "Izvestia" and "Komsomolskaya Pravda". Culture of tolerance is presented through analyses of language constructs and key words of positive and negative sense load, characterizing different counties and their representatives

Key words: tolerance, language of hatred, media space, content-analyses of the Russian press

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанасьева Виктория Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка, факультета иностранных языков Калужского государственного педагогического университета им. К. Э. Циолковского
248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.
vghappy@mail.ru

Воскресенская Анастасия Викторовна – преподаватель кафедры иностранных языков Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
vos-anastasiya@yandex.ru

Выдрин Олег Владимирович – преподаватель кафедры политических наук и связей с общественностью исторического факультета Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
Vydrin.oleg@gmail.com

Давлеткулова Елена Надировна – преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.
454084 Челябинск, Пр. Побед, 162-в.
fifa@csu.ru

Дигина Ольга Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Челябинской государственной академии культуры и искусства.
454091 Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36-а.
Blind11@yandex.ru

Зубанова Людмила Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологи и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

454091 Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36-а.
milazubanova@mail.ru

Иконникова Валентина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.
ivalentina@mail.ru

Лаврова Наталия Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лексики английского языка Московского государственного педагогического университета. 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.
lavruscha@gmail.com

Кочетова Лариса Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного университета. 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
lakvolgu@mail.ru

Ларина Екатерина Алексеевна – ассистент преподавателя французского языка Магнитогорского государственного университета. Магнитогорск, пр. Ленина, 114.
leakatia@rambler.ru

Малетина Оксана Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета. 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
okmaletina@yandex.ru

Морозова Анастасия Михайловна – ассистент кафедры романо-германской филологии Волгоградского государственного педагогического университета. 400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
morozovaam@mail.ru

Пивоварчик Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.
230023, Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22.
PivovarchikT@mail2000.ru

Ратников Кирилл Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.
454084 Челябинск, пр. Победы, 162-в.
tmk@csu.ru

Симакова Светлана Ивановна – старший преподаватель кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
simakovi@mail.ru

Соколова Мария Владимировна – преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.
454084 Челябинск, пр. Победы, 162-в.
boxik777@list.ru

Сидоров Антон Андреевич – кандидат филологических наук, ассистент кафедры романской филологии Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
couteau1@yandex.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Северодвинский филиал).
163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
taniafed@atnet.ru

